

ИССЛЕДОВАНИЯ • БОГОСЛОВИЕ

УДК 221

DOI: 10.24412/2224-5391-2023-42-11-73

Е. В. Паламаренко

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕТХОЗАВЕТНОГО КАНОНА

Аннотация. Исследование современных теорий формирования ветхозаветного канона предполагает обзор существующих теорий и гипотез, которые проливают свет на сложный и многоступенчатый процесс формирования единого целостного сборника книг. Задачей статьи является обзор гипотез исследователей о месте, времени, авторстве, редакции, компиляции и издании священных ветхозаветных книг. Дискуссионным остается вопрос о процессе формирования ветхозаветного канона в древнеизраильской среде и о критериях каноничности, использовавшихся во время придания священным книгам определенного статуса. Либеральный подход, который требует формирования правильного к нему отношения со стороны библейско-богословской науки, получил широкое распространение в современной библеистике. Нередко выводы исследователей оказываются неожиданными для сознания человека, живущего традицией Церкви и прошедшего этап рецепции имеющегося в ней Предания и отношения к священным ветхозаветным Книгам. На основании появившихся многочисленных современных теорий, стремящихся дать объяснение процесса формирования канона и авторства его книг, возникает необходимость в анализе существующих теорий и формирования к ним правильного отношения со стороны православного вероучения. Актуальность темы исследования обусловлена вниманием, которое стало уделяться процессу собирания всего корпуса ветхозаветных книг. С возникновением библейской критики как научной дисциплины появилось множество теорий, которые

Е. В. Паламаренко

разнообразно представляют процесс собирания библейских книг воедино. Существующее многообразие мнений в исследовательских кругах требует формирования православной богословской оценки такого явления в истории ветхозаветной и новозаветной Церкви, как период собирания ветхозаветных книг и закрепления их в едином кодексе.

Ключевые слова: *Ветхий Завет, Пятикнижие, Библия, библейская критика, текстология, православие, христианство, иудаизм*

Для цитирования: *Паламаренко Е. В.* К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2023. № 42. С. 11–73. DOI: 10.24412/2224-5391-2023-42-11-73

Сведения об авторе: Паламаренко Евгений Викторович — кандидат теологии, доцент кафедры теологии факультета социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2889-9439> (Россия, г. Москва). *E-mail:* palamarenko.2012@mail.ru

Поступила в редакцию 27.02.2023

Принята к публикации 05.05.2023

Наиболее значимым классическим исследованием в области формирования ветхозаветного канона является книга «Введение в Ветхий Завет» под редакцией Эриха Ценгера. Данная статья во многом будет построена на выводах, сделанных в этом фундаментальном труде. Это академическое учебное пособие основывается на строго научных подходах к исагогике Ветхого Завета. В исследовании дается подробное описание современных теорий формирования ветхозаветного текста и, как следствие, канона. Разбираются подробно все части Ветхого Завета, каждая книга канона в отдельности тщательно анализируется, ставятся вопросы относительно авторства текста, его истории и содержания на основании исследовательских заключений других ученых и первопродцов. Следует во главу угла поставить принятие самой концепции, идеи, направления мысли Эриха Ценгера, а не ориентироваться на данный труд в значении всецелого принятия сделанных выводов. Э. Ценгера стоит принимать, как приложившего значительные усилия в деле изучения исагогики Ветхого Завета и его канона.

Нередко в заглавии священных книг стоит имя того или иного великого пророка, царя или другого общественного лидера древнеизраильского общества. Традиционно принято считать автором книги того, чьим именем она названа или подписана. В случае с ветхозаветными писаниями данное правило не всегда применимо. Можно полагать, что в виду того, что «книги Ветхого

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

Завета пережили сложную историю редактуры, соединения разных традиций, разных преданий в единое целое»¹, книга могла быть названа именем редактора или переписчика. Вариативность библейских текстов в конце межзаветного периода подтверждается сводом Кумранских рукописей, свидетельствующих о существовании отдельных редакций и собраний сочинений, включающих набор непохожих между собой текстов, что было скорее нормой, чем исключением.

Автором могло быть указано иное историческое лицо, имеющее только косвенное отношение к написанию книги. Также возможно, что произведение приобретало название по имени главного ее героя, а автор оставался вовсе неизвестным. Вполне вероятным следует считать и то, что настоящих авторов текста установить не удастся никогда. Отдаленность эпохи составления текстов не позволяет проводить анализ и сличение их содержания в том качестве, с помощью которого стало возможным прийти к установлению истинного автора или редактора.

В древности не ставилась цель точного установления авторства определенной книги, главным критерием включения в канон являлась общенародная (общецерковная в понимании ветхозаветной Церкви) рецепция. Вполне вероятно, имена пророков указывались в заглавии книги, как знак истинности и подлинности содержания этих священных книг как Слова Божия. Очень часто предания о священных событиях получали различные версии в зависимости от автора и времени письменной фиксации. Таким образом, каждая книга прошла проверку своей богодухновенности сначала в устной передаче, а далее, спустя века после возникновения, в своем письменном закреплении².

Понимать, что библейские произведения могли быть созданы в совершенно иную эпоху, крайне важно. К изучению истории написания каждой книги, последующей истории ее жизни в среде народа и событиях, сподвигших включить книгу в канон, необходимо подходить сугубо индивидуально. Ранее известные нам ветхозаветные книги не связывались между собой единым кодексом: на протяжении веков они могли жить индивидуальной жизнью. Общий смысл, который проповедовал Единого Бога, лишь угадывался в похожем их содержании. Можно предположить, что именно вследствие неких эволюционных процессов в среде народа, естественного его развития, распространения книжности, стало возможным собирание из всей палитры имевшейся литературы лучших произведений. Книги с наиболее богатым богословским содержанием, отсутствием вкраплений неточных или предвзятых сведений, получили возможность

¹ Селезнев М. Г. Еврейский текст Библии и Септуагинта: два оригинала, два перевода? // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. М., 2008. Т. 1. С. 58.

² Сорокин А., *прот.* Введение в Священное Писание Ветхого Завета: курс лекций. СПб., 2002. С. 16–17.

занять свое место в каноне. Допустимо считать, что при отборе книг применялась наивысшая строгость. Важно было собрать в единый канон не только произведения, имевшие глубокую богословскую наполненность, но и чтобы в содержании данных произведений не было сведений, имевших силу пошатнуть авторитет содержащихся в книге неопровержимых истин.

Либеральный подход в вопросе изучения библейских книг основывается на выводах многих современных исследователей ветхозаветного канона. Ученые либерального направления в большей степени учитывают достижения современных наук, в то время как Предание для них имеет второстепенное значение. Существовавшее в традиции на протяжении предыдущих эпох учение о происхождении библейских текстов имеет все меньшее значение на фоне выводов, которые открываются с позиций научного рассмотрения библейских книг.

Тенденция к тому, чтобы дать новое объяснение включения книг в канон, не является новой. Предпосылки к трактовкам, которые бы расходились с устоявшимися, имелись и ранее. В предшествующие века все попытки иной интерпретации подавлялись авторитетом церковного мнения, особенно это проявлялось в действиях Римско-Католической Церкви, а за инакомыслие можно было снискать отлучение от церковного общения. По этой причине критическое изучение содержания Ветхого Завета проводилось на недостаточно активном уровне. Чтобы изучать содержание ветхозаветных произведений, делать открытия и смело заявлять о них, нужно было иметь необыкновенную смелость. Как правило, все, кто решался возвысить свой голос, в первую очередь не с целью опровержения истинности содержания библейских книг, а с целью освещения истории их появления, подвергались строгому осуждению, преследованию и порицанию. Только сейчас стало возможным в некоторой степени обелить их имена. Их труд был положен не на дискредитацию Писания, а чтобы последующим поколениям было больше известно о величайшей по значимости для всего человечества книге — Библии.

Взгляды святых отцов, многовековое отношение церковной полноты к ветхозаветным книгам, рецепция определенного отношения к ним — все это в некотором смысле утрачивает значение в свете достижений современной библеистики. Нельзя утверждать, что учеными движет чувство превосходства перед предыдущими категоричными заявлениями консервативного течения в библеистике. Однако, в связи с постановкой ими весьма радикальных заявлений, зачастую идущих вразрез с церковной традицией, может сложиться впечатление во всецелом отвержении ими Предания Церкви.

Современные мнения и теории исследователей противоречат Преданию только потому, что основаны на новейших открытиях в области текстологии, археологии, глубоком анализе литературных источников Древнего мира, сопоставления их с географией и историософией Палестины, а также других регионов

проживания еврейского народа. Подобных методов в изучении Писания не знали предыдущие века. Достижения библеистов в Новейшее время могли бы повергнуть в ужас любого, если бы они прозвучали на несколько столетий ранее.

Для многих исследователей идти вразрез с установившимся церковным Преданием не всегда легко, но, руководствуясь желанием способствовать детальному изучению Ветхого Завета, они прибегают к инструментарию современной науки. Знания, извлекаемые из новых методов изучения текста, не всегда оказываются доступными для понимания тех, кто не придавал изучению библейских наук особого значения. Новые извлечения из уже известных текстов могут привлечь дополнительное внимание к библейским книгам в целом. Известность новых открытий могла бы способствовать популяризации библеистики, а значит и слова Божия. Поэтому односторонний взгляд на деятельность специалистов различных направлений библеистики, которые работают над прояснением истории текстов и канона, не всегда оправдан. Чтобы пробудить дополнительный интерес к Библии, в том числе в неконфессиональной среде, следовало бы представить внеконфессиональную, научную историю появления и развития текста. Ссылаться лишь на многовековую рецепцию текста и «освященность» временем допустимо, но недостаточно, поскольку это не проясняет всех аспектов функционирования текста в древности и сейчас.

Современные теории формирования ветхозаветного канона формируются с учетом фундаментальных исследований текстов Древнего мира и с применением современных методов исследования к библейским книгам. Поэтому либеральный подход основан на выводах, сделанных в большей степени с позиции научного изучения текстов, когда Предание не берется в расчет или же ему отводится второстепенное значение.

Относительно критериев каноничности существует много различных мнений, но наиболее распространенным и приближенным к истине считается критерий святости авторов ветхозаветных текстов, ориентируясь на которую книги принимали в ограду священной среды. Например, подобный вывод делает Д. Г. Добыкин: «...можно предположить, что критерием каноничности были святость авторов библейских книг и их пророческий характер»³.

История формирования канона растягивается на много веков, что, главным образом, вызвано отсутствием вероучительного единства в древнеиудейском мире и отсутствием одного общепринятого варианта той или иной книги. Это означает, что все разнообразие книг существовало в разных списках, которые были в разногласии между собой. На протяжении долгого времени, предшествовавшего окончательной организации канона, книги претерпевали многочисленные изменения и исправления. Книги, согласно современным воззрениям на составление канона и каждой книги в отдельности, буквально

³ Добыкин Д. Г. Введение в Ветхий Завет: курс лекций. СПб., 2014. С. 16.

складывались из нескольких, а то и многих самостоятельных произведений, что и представляет собой предмет рассмотрения современных библеистов.

Отличительная черта современной библеистики — желание более детально прояснить особенности эпохи формирования канона, формировавшегося на протяжении многих веков и претерпевавшего множество правок. Изменения заключались не только в исправлении допущенных прежде ошибок, но и в добавлении фрагментов, которые, по мнению редактора, должны были полнее осветить ту или иную идею, зафиксированную автором для будущего читателя или слушателя. Под влиянием многих факторов последующие редакторы и переписчики проявляли расположенность к изменению первоначального текста, так что «большинство книг иудейской Библии подверглись редакции между VII и I веками до Р. Х.»⁴.

К примеру, традиционно принято считать Моисея единственным автором Пятикнижия. Но после детального анализа текста, разделения его на отдельные смысловые фрагменты, становится понятно, что авторство принадлежит нескольким лицам, жившим в разные эпохи. Текст книг изменялся, в нем делались дополнения, исправления, так что сейчас невозможно представить, что мог представлять собой первоначальный вариант.

Существующие критические исследования Библии не обходят стороной и проблему наличия разночтений в тексте. Противоречия, содержащиеся в отдельных частях Ветхого Завета, также вызывают немалую обеспокоенность в среде тех, кто более склонен к буквальному прочтению смысла Священного Писания. Нередко встречаются исследователи, которые используют определенные неточности Библии в своих личных целях, желая опровергнуть Божественное достоинство Писания вместо того чтобы провести беспристрастный анализ текста с целью включения в научный оборот данных, способствующих открытию новых граней процесса формирования ветхозаветного канона.

Например, настороженность у таких исследователей вызывает несколько раз повторяющееся в Библии Десятисловие. В книгах Исход (20. 1–17) и Второзаконие (5. 6–21), содержится текст Декалога, имеющий между собой несколько разночтений. Третья версия Десяти заповедей в Книге Левит (19. 3–19) не совпадает с названными двумя буквально, хотя построена на первых двух⁵.

Из подобного рода теорий, лежащих вне научной плоскости, можно привести мнение профессора М. М. Карпова: «...некоторые книги “Ветхого Завета” появились в 9–8 веках до н. э., другие в 6–5 веках до н. э. Вместе все книги “Ветхого Завета” были скомпонованы в середине 5 века до н. э. Но редакторская работа была проведена небрежно и неумело, в результате в Биб-

⁴ Бийон Ж., Грюзон Ф. Как читать Ветхий Завет: Первый Завет: анализ текстов. Гатчина, 2010. С. 8.

⁵ Гусейнов А. А. Десятисловие Моисея: канон справедливости // Философия права Пятикнижия. М., 2012. С. 47.

лии оказалось много параллельных текстов, противоречий, исторических и географических ошибок»⁶.

В отечественных библейско-богословских исследованиях представлены, в основном, точки зрения, которые подтверждают идею о непреложном авторстве пророка Моисея по отношению к Пятикнижию. В свою очередь, западная библеистика пошла более решительным путем и представляет для широкого обсуждения в научных кругах самое разнообразное количество мнений о происхождении всех без исключения книг Ветхого Завета. Модель познания истины, когда выдвигается самый широкий круг мнений, хороша тем, что становится возможным более глубокий, более разносторонний анализ. Бывает, что на первый взгляд кажущиеся бесперспективными гипотезы могут помочь дополнить имеющиеся концепции и вывести ученого на дальнейший уровень исследования. Поэтому в западной научной традиции не спешат с отвержением вновь возникающих концепций, следствием чего становится разнообразие мнений, постепенно проникающее на просторы отечественной библеистики и дающее свои плоды.

Отличие старой и новой исагогики заключается и в том, что в Новейшее время были открыты «двери», которые впустили в себя все разнообразие мнений относительно вопросов формирования и происхождения канона. Старая исагогика не позволяла привнести в свою ограду что-либо иное, в корне расходившееся с хранимой ею традицией. Среди всего множества новых теорий большинство, наверное, не могут иметь существенной поддержки в среде библеистов. Представление о каноне, как о книге, в которую собрали все имевшиеся писания без разбора, не может вызывать поддержки. Одновременно с тем, когда к составлению учения о библейском каноне применяются исключительно научные подходы, нужно рассматривать и другую, иррациональную составляющую, сыгравшую немалую роль в истории разработки канона. Игнорировать имевшее место Божественное вмешательство невозможно. Веру, что во всем разрозненном конгломерате писаний содержится Божественная истина, адресованная человечеству, нужно совмещать с осознанием трансцендентной сути библейских повествований.

Мистическое толкование слов Писания и мистическое объяснение собрания книг воедино необходимо использовать, учитывая современные открытия в изучении библейских текстов. Если толковать Писание и изучать историю канона, не используя известных открытий в науке, есть вероятность столкнуться с очевидным расхождением данных. Пересмотр своих собственных взглядов, а тем более и официальных заявлений церковных сообществ (организаций) исключительно с позиций научных открытий, не учитывая традицию, может повлечь негативную реакцию со стороны церковного сообщества. Поэтому во избежание неоднозначных реакций следует прибегать и к использованию

⁶ Карпов М. М. Развенчание Библии. Ростов-на-Дону, 2003. С. 4.

в своих исследованиях наработанных техник и установившихся в традиции методов изучения Священного Писания.

Вероятно, либеральный подход к объяснению происхождения канона существовал в Церкви всегда, но вплоть до XVIII в. никаких альтернативных точек зрения, допускающих иную позицию, не появлялось. Лишь начиная с XVIII в. на Западе возникают смелые версии и постепенно перетекают в русское богословие (для примера — теория Н. К. Дагаева).

Весь существующий ветхозаветный текст, несмотря на предполагаемое время включения книги в состав канона и наличие разрозненных мнений о достоинстве его книг, разделяется по принципу трехчастного деления. Это деление мы находим в Евангелии: «...закон Моисеев, пророки и псалмы» (Лк 24. 44). Однако не все общины древнееврейского мира придерживались трехчастной классификации, существовали и двухчастные деления, а еще чаще (это стало возможным именно после открытия Кумранских рукописей) проследить размежевание книг по какому-либо принципу вообще не представляется возможным. Тот факт, что «кумранские рукописи не подтверждают наличия трех групп традиций»⁷, говорит о трехчастном разделении канона как о весьма поздно созданной классификации, которая все же, можно полагать, была сформирована в ветхозаветное время.

В настоящее время только в одном Пятикнижии выделяют намного большее количество составляющих его частей, чем принято считать. Проводя литературоведческий анализ, исследователи приходят к выводу о существовании почти в каждой ветхозаветной книге вставок и отрывков, которые явно не согласуются с общей стилистической моделью повествования. Следуя этой логике, допустимо считать священные книги авторскими трудами, которые в силу исторических обстоятельств не сохранили имена своих создателей. К тому же современное понятие об авторском праве и этикете научных публикаций неприменимо к ветхозаветному времени. В древности имелись совершенно иные, по сравнению с современными, представления о целях и задачах, которые ставил перед собой любой, кто решился написать книгу. Авторство произведения чаще всего не указывалось.

Некоторые ученые, исходя из трехчастного деления канона, предлагают гипотезу и о трехэтапном процессе его формирования. Их выводы носят гипотетический характер. Они направлены на изучение действительно существовавшего довольно продолжительного периода в истории формирования канона, когда рассматривался вопрос о наделении отдельных книг особым авторитетом.

К примеру, Закон мог быть канонизирован к 400 г. до Р. Х.; Пророки (Иисус Навин, Судьи, Царств, Исаия, Иеремия, Иезекииль и все книги от Осии до Малахии) — к 200 г. до Р. Х.; а Писания (Руфь, Ездра, Плач, Даниил и Паралипоме-

⁷ *Тов Э.* Текстология Ветхого Завета. М., 2001. С. 153.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

нон) были канонизированы к 100 г. до Р. Х., что лишь примерно указывает на время их включения в корпус канона, но одновременно с этим говорит о длительном процессе канонизации в три этапа⁸.

Подобную точку зрения отмечает другой автор, заявляя, что Исаия, Иеремиа, Иезекииль и 12 пророков были включены в канон около 190 г. до Р. Х., а Даниила около 165 г. до Р. Х.⁹

Как можно заметить, предлагается довольно точная датировка. Отдельные исследователи решаются заявлять с предельной точностью о включении книг в канон. Сами исторические события тех веков побуждают думать об имевшей место и назревшей проблеме отсутствия единого унифицированного сборника священных книг. Поэтому с той или иной долей расхождения исследователи вторят друг другу, приходя к практически идентичным выводам. Нельзя исключать и того, что в дальнейшем многие существующие на данный момент знания о тексте Ветхого Завета могут быть пересмотрены. Могут открыться новые подробности жизни священных книг, которые на данном этапе развития библейской науки недоступны исследователям.

«Ездра собрал и объединил книги до Рождества Христова, и те, что он собрал, были названы каноническими и составили сборник»¹⁰. Данная цитата является собою яркий пример консервативной исагогики, когда, опираясь на церковное Предание и авторитет лиц, ранее озвучивших эту теорию, предлагается безоговорочное восстановление событий библейской истории. Подтвердить теорию иначе как Священным Преданием не получится. Священное Писание не содержит материалов, которые бы сообщали нам о роли, приписываемой Ездру.

Несмотря на отсутствие письменных источников, которые бы дали нам более обстоятельное знание о жизни Ездры, нельзя отрицать, что многие свидетельства указывают на старания священника Ездры в деле окончательного собирания ветхозаветной письменности после возвращения из Вавилонского плена: «...окончательное совокупление св. книг в один состав. Оно приписывается благочестивому и ученому мужу Ездру, который, исправляя списки, внес, как думают, в некоторых местах свои объяснения и дополнения и древние буквы еврейские переменял на халдейские»¹¹. Но говорить о создании всего ветхозаветного канона при Ездру в известном нам варианте рано. Можно с некоторой долей достоверности принять теорию, что «благодаря усилиям Ездры-писца окончательно редактируются тексты Пятикнижия, запрещаются всякие изменения и добавления»¹².

⁸ Томпсон А. Библия без цензуры: Ключ к самым загадочным текстам Ветхого Завета. М., 2010. С. 65.

⁹ Schmidt W. H. Old Testament Introduction. New York; Berlin; Louisville, 1999. P. 6.

¹⁰ Венедикт (Князев), архим. Библейская история. СПб., 2011. С. 44.

¹¹ Скворцов И. Краткое начертание истории Церкви ветхозаветной. Киев, 1854. С. 115.

¹² Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета): уч. пос.

«По-видимому, в период второго храма не существовало Библии в нашем смысле слова (т. е. не существовало единого фиксированного корпуса богодухновенных текстов), но, без сомнения, считалось, что некоторые книги содержат божественное учение... Иудейский канон Писания был зафиксирован, по-видимому, лишь после гибели Иерусалима в 70 году н. э. Он был трехчастным»¹³. Исходя из этого необходимо понимать, что с точностью установить время возникновения канона представляется маловероятным.

«В действительности проблемы авторства и датировки большинства библейских книг еще очень далеки от решения. Однако в общем можно считать, что дошедшие до нас тексты, вошедшие в состав Ветхого Завета, относятся к XIII–XII вв. до н. э., а самые поздние — ко II до н. э.»¹⁴.

В наше время, несмотря на существование либерального взгляда на процесс становления канона, предлагающего различные радикальные теории, не вписывающиеся в традицию Церкви предшествующих эпох, есть ученые, которые предлагают взглянуть на канон как на единое целое: «...смысл процесса канонизации заключался в том, чтобы сформировать авторитетную традицию, которая могла бы стать Писанием для поколения, непричастного изначально Откровению. Формирование традиции для этой задачи включало в себя серьезную экзегетическую деятельность, результаты которой включены теперь в структуру канонического текста» (Б. С. Чайлдс)¹⁵.

Весьма оригинальный взгляд на специфику ветхозаветного канона дает автор книги «Библия ветхозаветной Церкви. Текстовые свидетельства каноничности Ветхого Завета» Р. Вашольц. Согласно его теории, определения каноничности и канона — это разные понятия, которые не следует путать. Так, каноничность представляет собою целый процесс, цикл эпизодов общения Бога с народом, по результатам которых выдается санкция на каноничность писаний, законов, предписаний для народа.

Длительное общение Бога с народом через тех или иных богодухновенных посредников и есть наиболее полное благословение, впоследствии получившее свое отражение в написанных книгах. Благословение Господа относительно будущей формы поучения, через зафиксированное на письме Откровение, заключалось в последовательности событий дарования священных книг. Постепенное появление текстов, в основу создания которых были положены сила веры и доверия к Богу, видели многие поколения. Мы никогда не сможем ответить на вопрос, было ли известно кому-нибудь из пророков о будущем собрании книг в единый кодекс. Только сейчас, спустя многие столетия,

---

М., 2008. С. 380.

¹³ *Вандеркам Д.* Введение в ранний иудаизм. М., 2009. С. 260.

¹⁴ *Рижский М. И.* Библейские пророки и библейские пророчества. М., 1987. С. 11.

¹⁵ *Десницкий А.* Введение в библейскую экзегетику. М., 2013. С. 163.

можно не переставать удивляться милости Божией, которая с чрезвычайной премудростью обустроивала судьбу народа. Благодаря упованию и надежде на будущее избавление, жившим только в отдельных, самых выдающихся представителях народа, удастся, сосредоточив силы, создать группу книг. Появившееся литературное разнообразие содержало в себе глубочайшие истины богосозерцания, имело уникальный опыт богообщения. Получавшие авторитет произведения становились в народе важным оправданием надежды на будущее утешение в царстве Мессии. Круг событий, при которых возникали книги, удивительные жизненные истории их авторов, в целом многострадальная участь еврейского народа постепенно приводили к пониманию Божественного происхождения ветхозаветных книг, написанных теми или иными людьми, сыгравшими наиболее значимую роль в истории народа.

М. И. Рижский, атеист, но вместе с этим исследователь Ветхого Завета, с позиций разностороннего научного анализа делает заключения относительно истории создания Ветхого Завета. Он утверждает, что в VI в. до Р. Х. в Иудее в обращении находилось множество священных произведений (летописи, кодексы законов, сборники молитв и т. д.), однако Пятикнижие появилось в конце V в. до Р. Х. в результате переработки имевшихся кодексов. Так, на рубеже V–IV вв. до Р. Х. появились Книги Иисуса Навина, Судей, 1–4 Царств; на рубеже III–II вв. до Р. Х. Екклесиаст и Притчи; а в середине II в. до Р. Х. — Псалтирь¹⁶.

Одновременно с тем, что некоторые книги канона Ветхого Завета имели одного автора, нельзя утверждать, что каждая книга есть труд одного человека. «Имена многих из них носят сами названия книг, но фактическое их количество может измеряться десятками и сотнями, оставшимися неизвестными для истории»¹⁷. Написание большинства ветхозаветных книг, их литературная обработка, редакция и придание текстам современного вида были делом творческих устремлений многих авторов, многовековым трудом переписчиков, редакторов и компиляторов.

Именно о такой схеме формирования канона говорит современная библеистика. «Многие библейские тексты не имеют определенного автора, они составлены из фрагментов более ранних текстов, то есть являются текстами “сложносоставного” типа. Некоторые представляют собой антологии (Псалтирь, Притчи), другие книги подверглись многократному редактированию, прежде чем приобрели современный вид»¹⁸.

Канон Ветхого Завета являет собой плод словесного искусства, уникальное собрание древней письменности, воплощающее взаимодействие Божествен-

¹⁶ Пиков Г. Г. *Magister dixit*. О Моисее Иосифовиче Рижском и некоторых проблемах библеистики. Новосибирск, 2011. С. 337.

¹⁷ Бабанин В. П. Код Ветхого Завета. М., СПб., 2006. С. 155.

¹⁸ Современные исследования Библии. Екатеринбург, 1998. С. 33.

ного и человеческого начал, что выражается в особом поэтизме и неповторимости многогранного стиля Священного Писания в целом и в каждой из его книг в отдельности. Исследования Ветхого Завета, его канона, вероятно, никогда не достигнут своей финальной точки. Библия таит в себе бесчисленное множество загадок, которые раскрыть нам, находящимся на отдалении в несколько тысяч лет от культурно-религиозной среды времен создания текстов, не под силу. Ветхий Завет — поистине книга, относительно которой вновь и вновь будут возникать большое число догадок и предположений, ведь тексты описывают события, развивавшиеся на протяжении нескольких тысячелетий.

Профессор Еврейского университета в Иерусалиме Менахем Харан полностью опровергает любые теории о составлении Ветхого Завета из фрагментов или же о имевшей место эволюции текстов. Он утверждает, что в еврейский канон были включены не какие-то специально отобранные (из большого множества сохранившихся) книги, а буквально все, которые только сохранились, а других, по его мнению, попросту не было. «Собиратели канона поистине замели с пола последние крошки, — говорит М. Харан. — Они включили в канон даже такие крохотки, как книгу пророка Овадии, которая занимает в нем всего одну страничку. После них не осталось ничего, что народная традиция предыдущих столетий считала бы Богодухновенным»¹⁹.

Возможно, профессор М. Харан отчасти вторит своему предшественнику А. Робертсону, который утверждает, что Пятикнижие является продуктом определенной эпохи, но отрицает его оригинальность, ссылаясь на то, что компиляторы без особой системы и последовательности соединили законы, легенды, фольклорные произведения, находившиеся в их распоряжении, которые во многом имели вавилонское происхождение²⁰.

Что касается Книги пророка Авдия, то несмотря на ее незначительный объем, даже она может иметь нескольких авторов: «...книга Авдия, длиной в страницу, по-видимому, составлена из произведений двух авторов»²¹.

Авторскую позицию относительно истории ветхозаветной священной письменности представляет Ф. Дейвис в своей книге «В поисках древнего Израиля». Он предлагает новую целостную картину, новый синтез исторического и литературного процесса, приведшего к составлению ветхозаветного канона.

Для начала он говорит, что Ветхий Завет не может считаться надежным историческим источником для изучения еврейской истории I тысячелетия до Р. Х. и необходимо исходить из данных эпиграфики, клинописных свидетельств и археологических открытий. По Ф. Дейвису, большинство произведений Ветхого Завета нужно датировать после пленным периодом, а происхож-

¹⁹ Нудельман Р. Загадки, тайны и коды Библии. Ростов-на-Дону, 2007. С. 231.

²⁰ Лившиц Г. М. Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск, 1970. С. 102.

²¹ Фридман Р. Как создавалась Библия. М., 2011. С. 41.

дение же части книг в более раннее время нельзя считать доказанным. Книги Ветхого Завета возникли исключительно в Иудее, там же и был сформирован канон. Канон был разработан в гражданско-храмовой общине Иерусалима небольшой прослойкой элиты эллинистического времени, составлявшей не более 5 % от общего числа населения. Завершает Ф. Дейвис утверждением, что все жанры ветхозаветной литературы создавались на протяжении лишь трех веков, то есть взамен эволюционной модели он предлагает модель единовременного возникновения древнееврейской письменности²².

Очередной теорией, заслуживающей внимания, может служить утверждение, что книги Ветхого Завета никто не объединял; они сами заняли подобающее им место по причине своих высоких духовных качеств. Ни один Собор, ни один совет не могли придать книгам авторитета, которым они уже обладали. Исходя из этого, ветхозаветные книги были приняты в канон к 70 г. по Р. Х.²³

Имеет место и распространенная теория о завершении формирования ветхозаветных книг во II в. до Р. Х., а создание первого сборника связывается с переводом священных книг на греческий язык для Александрийской библиотеки, состоявшимся веком ранее. Окончательное же составление иудейского канона относится к концу I в. по Р. Х.²⁴

Немаловажную роль в формировании библейского канона может играть период владычества Хасмонейской династии. Во время правления в Иудее представителей хасмонеев начинается существенное влияние эллинизма на древнеиудейский мир, что приводит к заимствованию многих эллинистических традиций и повышению влияния греческой образованности²⁵. Возросшее влияние эллинской литературы могло стать причиной последующей структуризации всего имеющегося Писания, что, в свою очередь, могло быть вызвано заботой о сохранении священных книг за счет недопущения проникновения в канон фрагментов грекоязычной письменности, начавшей наводнять иудейский мир. В этот период вне Иудеи канон остается более «гибким»: в него допускается внесение и исключение определенных частей. В таком случае процесс канонизации Писания можно расценивать как попытку его консервации с целью защиты от каких-либо привнесений, добавлений со стороны эллинского мира.

Один из крупнейших представителей французского католического модернизма конца XIX — начала XX в., Альфред Луази, наряду с присущим ему личным взглядом на многие богословские и экзегетические вопросы, предлагает

²² Эйделькинд Я. Библия. Литературоведческие и лингвистические исследования. М., 1998. С. 390–392.

²³ Бьюэс Р. 100 важнейших вопросов. СПб., 2005. С. 95.

²⁴ Коварский А. Л. Герои Ветхого Завета. М., 2001. С. 10.

²⁵ Tongue S. Between Biblical Criticism and Poetic Rewriting: Interpretative Struggles over Genesis 32:22–32. Leiden; Boston, 2014. P. 183–184.

собственную концепцию развития библейского канона. Историко-критический метод изучения текстов применялся им в самом широком смысле. Из основных выводов, к которым приходит А. Луази, можно считать категорическое отрицание какой-либо причастности Ездры к формированию канона. Он настаивает на легендарности библейских повествований, отсутствии целостности в них, считает, что на формирование иудаизма оказывали прямое влияние языческие религии, религиозные концепты которых отражены в нем. Призывает к принятию версии более позднего написания книг — в частности, время написания псалмов Давида он относит к послевоенной эпохе. Множество критиков выступали с решительным протестом относительно его научной деятельности. Как следствие, А. Луази был отлучен от Римско-Католической Церкви²⁶.

В русском православном богословии XIX в. в рамках ряда решений было введено разделение книг Ветхого Завета на «канонические» и «неканонические», что привело к ситуации, когда книги, состоящие в списке ветхозаветных, являются неравными канону и, кроме того, используются в богослужбной практике²⁷. По сути, термин «неканонические книги» стал новшеством русского богословия середины XIX в.²⁸; он до сих пор не используется другими христианскими конфессиями и православными общинами в мире.

Канонизация Пятикнижия

Пятикнижие Моисея — так принято называть первую и главную часть канона Ветхого Завета. Традиционно авторство Пятикнижия всегда приписывалось пророку Моисею и никогда не подвергалось сомнению. Это связано с тем, что во Второзаконии Моисей говорит о себе в первом лице: «Слово это мне повелось» (Втор 1. 23), «Я говорил вам, но вы не послушали» (Втор 1. 43). Многие другие фрагменты Пятикнижия дают понять читателю, что пророк Моисей был непосредственным участником событий и излагает их от первого лица.

Новый Завет также подтверждает авторство Моисея: «...и принеси за очищение твое, что повелел Моисей, во свидетельство им» (Мк 1. 44), «ибо в Моисеевом законе написано...» (1 Кор 9. 9). Таким образом, Священное Писание указывает нам на авторство пророка Моисея, но, следует еще раз подчеркнуть, в древности не ставился вопрос об авторстве в современном его понимании;

²⁶ Долгов В. Б. Проблема Пятикнижия в модернистской теологии Альфреда Луази // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, № 4. С. 15–18.

²⁷ Тихомиров Б. А. Решения по канону Ветхого Завета в русском академическом православном богословии XIX века // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2020. № 2 (6). С. 152.

²⁸ Тихомиров Б. А. Формирование представлений о каноне Ветхого Завета в русском Православии // Церковь и время. 2015. № 2 (71). С. 162; *Его же*. Состав и канон Священного Писания Ветхого Завета в основных христианских конфессиях. М., 2022. С. 186–188.

более свойственен древности вопрос авторитета (кто именно и на основании каких причин сказал, заповедал, повелел делать то или иное?). Эти пять книг, несомненно, древнейшие ввиду того, что рассказывают о самом начале жизни человечества на земле. Они возникают, когда еще не произошли последующие ветхозаветные события. «Пятикнижие, судя по всему, было написано и признано каноническим раньше всех других книг Ветхого Завета»²⁹.

Известно, что за основу всего Ветхого Завета всегда принимается Пятикнижие. Тора в иудаизме считается наиболее авторитетной книгой, все остальные писания стоят ниже Торы и не могут своим авторитетом опровергнуть ее значение. Тора олицетворяет собой практически единственный ориентир в правильном восприятии религиозности иудеем. Последнее отчасти привело к тому, что «Тора заменила собой библейскую идею спасения»³⁰. Исполнение заповедей Торы стало главным, к чему призван иудей в своей жизни. Подвергать сомнению авторитетность Торы, намереваться отменить или пересмотреть актуальность ее предписаний непростительно. Исполнение заповедей и обрядов, содержащихся в Торе, представляется для иудеев главным критерием и основным аспектом правильной религиозности. Другое дело, когда исполнение части заповедей невозможно, поскольку условия жизни народа изменились. Совершать жертвоприношения и другие обряды, связанные с храмовым культом так же важно, как хранить Декалог Моисея. Иудаизм всецело помнит обязательность храмового богослужения. Возобновление жертвоприношений и обрядов храмового пространства — это предмет упования и молитвенных воздыханий многих евреев.

Тора была дарована народу через Моисея. Так гласит традиционная концепция появления Пятикнижия и составляющих его частей. Достоверно известно, что Пятикнижие содержит в себе как минимум пять самостоятельных произведений. Предмет спора последних столетий — вопрос, можно ли выделять в тексте Торы больше самостоятельных элементов, которые в силу исторических обстоятельств оказались объединены с другими произведениями? Пятикнижие прошло длинный путь становления. Чтобы приобрести современный вид, книгам пришлось пройти развитие, сопровождавшееся редакторской работой многих священных авторов. Посредством деятельности редакторов Пятикнижие проходило свое развитие, которое в результате привело к формированию итоговой версии.

Противоположная концепция провозглашает невозможность сомнений в определении автора текста. Пятикнижие было записано Моисеем, когда Господь сообщил ему ряд предписаний, которых следует придерживаться народу. Следовательно, Тора родилась практически единомоментно и не претерпевала

²⁹ Новый библейский словарь: в 2 ч. Библейские реалии / пер. с англ. СПб., 2001. Ч. 2. С. 390.

³⁰ Ристо С. Мессия в Ветхом Завете в свете равинистических писаний / пер. с англ. СПб., 1995. С. 9.

в своем формировании вмешательства других лиц. Задачей новейших исследований стало ниспровержение подобных доводов, где бы научно аргументировалась тенденциозность в защите концепции единоличного авторства Моисея. «Это не значит, что Тора не развивалась с течением времени. Анализ текста позволяет вполне обоснованно различить в ней несколько литературных целых, отличающихся друг от друга по тону и характеру. Это показывает, что наследие Моисея передавалось по разным каналам, соответствующим различным источникам Пятикнижия. Несколько раз оно подвергалось переработке, приспособлялось к требованиям времени, дополнялось в некоторых подробностях»³¹. Невзирая на то, что в иудаизме Тора находится значительно выше остальных составных частей Танаха, Тора имеет во многом похожее всем остальным книгам происхождение. Она прошла определенную эволюцию в своей рецепции, что позволяет сравнить ее в текстологическом отношении с остальными книгами Ветхого Завета.

Пятикнижие, подобно другим книгам, как включенным в канон, так и оставшимся за его пределами, формировалось постепенно. Законно задаться вопросом о преимуществах или главных отличиях Пятикнижия от Пророков или Писания в литературном отношении. Во многих канонических книгах исследователи выделяют вставки разных эпох. Не во всех книгах текст соответствует своему контексту, встречаются части, которые не согласуются с остальным повествованием, вполне вероятно по той причине, что книги проходили долгий путь своего священного становления. Чтобы утвердить сакральное значение текста, требовалось проводить его изучение на протяжении многих поколений. Только благодаря укоренению текста в народе и священнической среде, после окончательной выработки позиции относительно содержания текста, ему придавали уникальное в ряду других священных книг значение. Преимуществом Пятикнижия перед другими составляющими частями Ветхого Завета может выступать лишь его исключительно вероучительное значение. Литературная специфика Пятикнижия подтверждает его схожесть с иными книгами, как по технике составления его содержания, так и условиям канонизации его отдельных жанровых элементов.

Пророк Моисей мог быть автором текста Торы. Он мог создать устный вариант в дальнейшем записанного текста. Позднее уже письменный свод священных предписаний в действительности мог передаваться из уст в уста до времени, когда появилась необходимость в формировании книжного канона. Учитывая временной интервал между дарованием Закона и его письменной фиксацией, допустимо предположить естественную утрату и замену исходного текста последующими интерпретаторами. Текст мог быть изменен из-за

³¹ Закон: значение Закона Ветхого Завета // *Словарь библейского богословия / под ред. Ксавье Леон-Дюфура и др.* Bruxelles, 1990. Кол. 371.

потери в народной памяти части первоначальных формулировок. Поэтому последующие фиксаторы Закона могли привнести множество искажений и различий в скомпонованный ими текст книг.

В Книге Неемии рассказывается о публичном слушании священных текстов, возможно, уже созданного кодекса Закона, который включал в себя неизвестное библеистике количество книг: «Ездра, на ступенях храма, читал народу закон Моисеев и вместе с Неемией его, изъяснял ему священные книги...»³². Книга повествует, что для публичного слушания священных книг люди собирались на площади у Водяных ворот Иерусалима. На священника Ездру, «который отредактировал Тору и сделал ее чтение центральным моментом национальной религии»³³, была возложена особая миссия. Думается, от него требовались усилия, которые бы способствовали приданию в глазах народа книгам особого статуса. Ввиду маловерия и частых уклонений еврейского народа от единобожия, содержанию книг могли так же не доверять, как обетованиям Творца и пророков. Поэтому, по всей видимости, столь знаковое чтение книг включало в себя несколько целей. Требовалось не только ознакомить народ с их содержанием, но и разъяснить их особый статус и убедить следовать их предписаниям. Данные три задачи ко времени Ездры вставали особенно остро. Время, проведенное в пленении, и открывающаяся неопределенность как никогда ранее побудили Ездру к особым действиям.

Одно из толкований — предположение, что Ездра читал писания на языке оригинала перед народом, после чего его помощники, которые находились ближе всего к нему и хорошо слышали текст, оглашали перед народом смысл читаемого на понятном ему языке, с повторением уже прочитанного Ездрой отрывка или без³⁴.

Ездра сумел благодаря своим стараниям создать такое единство, что «весь народ как один человек» (Неем 8. 1) внимал слышимому. Это указывает нам на существовавший процесс публичной рецепции текстов, имевший место в середине V в. до Р. Х. Нельзя было придать священное значение книгам исходя лишь из личного видения священной действительности Ездрой и группой его помощников. Обязательно требовалось заручиться поддержкой народа, чтобы сделать письменность видимым ориентиром его целеполагания. Строить дальнейшую государственность не представлялось возможным иначе, как путем выработки идейно-смысловой предметности жизненных устремлений и приданию ее идеям священного смысла («Ок. 444 до н. э. был составлен письменный канон Пятикнижия, и это событие связывают с именем священника

³² *Александрова А.* Священная история Ветхого Завета. СПб., 1864. С. 123.

³³ *Вайс Р.* Евреи и власть. М., 2009. С. 36.

³⁴ *Вевюрко И. С.* Из истории чтения Библии: догерменевтическое восприятие священного текста // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 10, № 1. С. 31.

Ездры»³⁵). Наверняка этот процесс носил характер некоторого соучастия: когда Ездра или левиты прочитывали текст, его истолковывали, разъясняли, спрашивали, понят ли он слушателями. Взаимное проникновение в глубину текста позволило сгруппировать книги и сплотить народ для дальнейшего воплощения смыслового содержания канона в жизнь.

Согласно той же Книге Неемии, слушали все — «от мужчины до женщины и каждый умеющий слушать» (Неем 8. 2). Аудитория была самой разнообразной, что было исключением для древности, так как традиционно обращения делались к более узкому кругу адресатов³⁶. «Слушание-чтение всегда является “актом производства текста”»³⁷, поскольку слушатель-читатель воссоздает мысленную картину, в которой мир, отображенный в тексте, дополняется его собственными представлениями об этом мире³⁸. Вероятно, составлению канона книг придавали особую значимость в жизни всего общества, поэтому и имеет место активное соучастие слушателей в деле выработки текста.

Во время чтения текста слушателям приходилось активно участвовать в процессе правильного восприятия и последующего принятия книг в состав канона. Задачей было не только указать на книги, как на образец правильного жизненного устройства общества, — требовалось убедить всех слушателей в истинности содержания книг. Заключенные в книгах элементы обращения Бога к человеку и примеры житейской мудрости должны были стать примером и авторитетом для народа. Нельзя было формально относиться к событиям канонизации Священного Писания. Все общество призывалось принять Божественное Откровение в качестве единственно истинного ориентира для своих жизненных устремлений. Книги обещали будущее избавление от многовековых страданий народа. Слова пророков призывали исправить жизнь каждого правоверного иудея. Обещалось вознаграждение за соблюдение единобожия и следование истинной религии. Еврейский народ призывался к особой миссии в человеческой истории. Подобных обетований не получал ни один из народов. Еврейский народ был и оставался народом Божиим, о котором Господь всегда проявлял особую заботу, непрестанно, даже во время самых жестоких потрясений, сопровождал Своей милостью. Вся история иудаизма пронизана непрекращавшейся заботой Бога о Своем народе, выразившейся в многовековом детоводительстве, что предвещало лучшее будущее в Царстве Мессии.

³⁵ Овсиенко Ф. Г. Библия // Энциклопедия религий. М., 2008. С. 166.

³⁶ Вейнберг И. П. Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. М., 1993. С. 305–307.

³⁷ Vorster W. S. Readings, Readers and the Succession Narrative. An Essay on Reception // Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. 1989. Vol. 98, no. 3. P. 351–362.

³⁸ Вейнберг И. П. Рождение истории... С. 307.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

Начиная с факта исторического собрания народа у Водяных ворот Иерусалима, «в народе распространилось почитание Торы, признававшей Божественным Законом, предписаниями которого каждый еврей должен был руководствоваться во всех случаях жизни»³⁹.

Вполне вероятно, что именно во время упомянутого исторического собрания в народеросло осознание своей национальной идентичности, что побудило Ездру с мужами Великой синагоги совершить дело невиданной исторической важности — собрать воедино все части Священного Писания. В дополнение к этому, создав трехчастное деление, пришлось назвать только те книги богодухновенными, которые включены в его кодекс⁴⁰. Оставшаяся за пределами священного канона многочисленная еврейская письменность стала относиться к корпусу ветхозаветного предания, который содержал в себе богатые литературные свидетельства о жизни богоизбранного народа. Разнообразные сборники книг и отдельных исторических сказаний, поучений, вобрали в себя разноликую палитру произведений, содержащих Божественную истину. Книги, не прошедшие испытания на получение канонического статуса, по своему содержанию во многом были сродни включенным в канон произведениям. Они имели параллельные места — описанные в них события и зафиксированные факты часто повторялись в других книгах. Однако наличие богооткровенной истины не стало причиной их беспрекословного введения в канонический список, а подтолкнуло к более детальному их анализу, что впоследствии обусловило исключение многих книг из разряда богодухновенных.

Кодекс стал мерилом истинности Откровения. Оспаривать каноничность включенных в кодекс книг с течением времени становилось недопустимым и излишним, так как многовековая рецепция текстов и публичное их принятие в состав канона явились лучшим свидетельством истинности их содержания.

Нельзя отрицать возможность допущения ошибок переписчиков и кодификаторов. Говорить о случившихся передержках и злоупотреблениях во время процесса кодификации можно лишь на основании современных исследований, объективно проясняющих проблематику формирования библейского канона. Сложно предположить, что когда-то будет пересмотрен канонический состав Ветхого Завета. Невозможно представить, что будут открыты новые факты, как-то дискредитирующие отдельные ветхозаветные произведения. Древнееврейская письменность, прочно вошедшая в корпус христианских писаний, может проясняться на основании новейших методов герменевтики и палеографии. Освещать новые стороны имеющихся писаний можно так долго, как только наука и развитие человеческой мысли сможет предоставлять необходимый для этого инструментарий. Сложно исключать, что в известном

³⁹ Цывкин В. Иерусалим и евреи: в древности и ныне — 3000 лет. Иерусалим, 2000. С. 93.

⁴⁰ Астафьев Н. Пособие к разумному чтению Библии. М., 1899. С. 20–21.

корпусе Ветхого Завета имеются новые стороны прочтения и истолкования. Древние письмена могут содержать заложенные в них при написании истины и определения, которые требуют своих формулировок. Правильное или более точное истолкование текста может стать возможным тогда, когда ветхозаветному собранию книг будет придаваться больше внимания в рамках богословских и библейских исследований. Не секрет, что библеистика требует интенсификации действий в появлении исследовательских проектов ради более совершенного свидетельствования о христианстве в современном мире.

Привлечение внимания к Ветхому Завету, в частности, посредством обращения к лицу Древнего мира в контексте изучения палестинского наследия, может служить подспорьем в проповеди христианства. Вошедшие в христианский канон еврейские писания говорят о преемственности обетования о спасении, данного человечеству. Они показывают картину действий Бога в мире на протяжении всей человеческой истории. Последовательный характер откровения Бога, сначала Своему народу, а далее всему человечеству, убеждает в глубинном содержании сохраняющегося до наших дней христианского учения, берущего начало в писаниях Моисеевых.

Говорить о конкретных сведениях относительно происхождения Пятикнижия невозможно, ибо каких-либо неопровержимых фактов об историческом пути, пройденном Пятикнижием до имеющегося текста, не было представлено ни одним из исследователей. Изучая этот многогранный вопрос, необходимо брать в расчет все исторические, религиозные, культурные процессы того времени в Древнем Израиле. Формирование отдельных текстов и канона в целом происходило на фоне непрестанной угрозы для небольшого по численности народа Палестины. Ветхозаветное еврейское население не обращало на себя особого внимания греческих и римских историков. Еврейский народ был небольшой по численности общиной, племенем, живущим в горах и сохраняющим закрытый образ жизни.

Религия древнееврейского общества сложилась под сильным влиянием населявших Палестину, Сирию и Финикию народов, которые, с одной стороны, поддерживали тесные связи с египтянами и вавилонянами, оказавшими влияние на формирование великих культур древности; а с другой, контакт с народами, имевшими в своем пантеоне сиро-финикийских богов, отразился на обоготворении евреями различных сил и явлений природы. Отголоски культа камней, животных, деревьев, сохранявшиеся в быту, содержатся в многочисленных местах Библии⁴¹. Тексты ветхозаветного законодательства имеют параллели с месопотамским законодательством, причиной чего следует считать близость проживавших народов. Но основное отличие отчасти похожих по

⁴¹ Авдиев В. И. Еврейские цари и первосвященники: жизнь, быт и нравы. М., 2007. С. 34.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

своему содержанию текстов заключается в трансцендентном происхождении библейских текстов⁴² и в иррациональном их содержании.

Кроме того, месопотамское происхождение Авраама может служить указанием, что древнееврейская культура берет свое начало в сугубо древневосточной, месопотамской среде, куда уходит своими корнями⁴³. Окончательное же формирование еврейского народа как особого этноса, призванного к уникальной по своему значению миссии, происходило в период египетского пленения и в событиях Исхода, где в повествовании о переходе через море метафорически прослеживается призывание народа к новой жизни⁴⁴.

Египетское и вавилонское пленения имеют свои сходства, но вместе с тем трудно сопоставимы между собой. Бесспорно, что оба пленения имели большое по своей масштабности значение для еврейского народа. Оба пленения, разделяемые почти тысячелетием, сыграли неизмеримую роль в становлении народа и его религиозно-культурном развитии на фоне господствовавшего политеизма.

Ключевым, наиболее длительным взаимодействием еврейского народа с инокультурной средой было пребывание в Египте, которое завершилось провозглашением Декалога. Древний мир не знал ничего подобного дарованному на Синае Десятисловью⁴⁵. Пребывание в Вавилонском пленении завершилось невиданной сплоченностью ранее враждовавших племен и началом собирания разрозненной ветхозаветной письменности в единый унифицированный сборник.

Даже самый непредвзятый читатель, однако, может заметить множество разногласий между частями Пятикнижия, что и привело к возникновению так называемой «документальной» гипотезы. До XIX в. авторство пророка Моисея сомнению не подвергалось. Хотя уже в XVIII в. появляются критики, которые находят несоответствия, разночтения, различные повторения на страницах Пятикнижия. Документальная гипотеза исходила из концепции эволюционного развития религии, что отражалось и на процессе становления сакральных текстов. Тексты дополнялись вследствие изменяющейся с течением времени традиции и, таким образом, во всех частях Пятикнижия просматривается многослойность заложенного в его содержание текста. К этому следует добавить, что в параллельных местах текстов прослеживается ряд изменений, по-разному указывается имя Бога, нет единообразия в богословских воззрениях и языковом

⁴² Овчинников А. И. Правовые и нравственные нормы Ветхого Завета // *Философия права*. 2015. № 2 (69). С. 12.

⁴³ Компаниец Э. Н. Ветхий Завет как механизм формирования древнееврейской культуры (концепция творения и идея единства в фактах Ветхого Завета) // *Социально-экономическое управление: теория и практика*. 2009. № 2 (16). С. 100.

⁴⁴ Вевюрко И. С. Диалектика истории институтов власти в Ветхом Завете // *Вестник Московского университета*. Сер. 7: Философия. 2013. № 3. С. 96.

⁴⁵ Мисецкий Е. В. Древний Египет и Израиль: века соседства // *Культура и цивилизация*. 2014. № 6. С. 38.

изложении. Исследователи Пятикнижия на основании этих и других данных пришли к вероятности существования разных слоев источников Пятикнижия⁴⁶.

Документальная гипотеза на современном этапе подвергается критике⁴⁷. Вместо нее выдвигаются совершенно новые теории⁴⁸, которые привносят еще больше разночтений в мир библейских исследований. Например, «Новая гипотеза дополнений»⁴⁹, осмысление которой только началось в российской библеистике. Кроме того, среди современных тенденций исследования Ветхого Завета можно выделить направления по изучению истории переводов книг Библии⁵⁰, что во многом может содействовать раскрытию истории формирования канона.

Такие тенденции для современности закономерны, но перед исследователем, намеревающимся изучить это многообразие теорий, с каждым годом возникает еще больше сложностей, так как заявления современных исследователей во многом разнятся между собой и редко находят хоть сколько-нибудь серьезное научное подтверждение. Ученый неизбежно столкнется с рядом трудностей, связанных с кодификацией существующих гипотез относительно процесса появления текстов. Собрать их воедино, выработать оценку богословского содержания, проанализировать обоснованность, объективность проведенных предшественниками исследований может оказаться непростой задачей для исследователя, только начинающего свой путь в данной области. Во многом, чтобы облегчить себе задачу, следует заручиться подтвержденными, признанными со стороны научного сообщества публикациями, освещающими рассматриваемую тематику в том или ином библейско-историческом контексте.

Говоря о проблеме авторства пророка Моисея, стоит привести и распространенное мнение, что уже во времена его жизни могло существовать множество отрывков и сведений из сочинений, которые он мог использовать для своего Пятикнижия. В таком случае Моисей не может быть назван полноправным автором, но, скорее, собирателем различных повествований. Нельзя исключать факт вклада Моисея в работу над приданием всему разнообразию текстов

⁴⁶ Большой путеводитель по Библии. М., 1993. С. 372.

⁴⁷ Хангиреев И. А. Документальная гипотеза происхождения Пятикнижия в трудах Эрхарда Блюма // Богословский вестник. 2021. № 3 (42). С. 17–36.

⁴⁸ Фридман И. А. Критика документальной гипотезы происхождения Пятикнижия со стороны Умберто Кассуто. Ч. 2 // Богословский вестник. 2021. № 4 (43). С. 18–35.

⁴⁹ Виноградов М. В. Изучение Пятикнижия и новая гипотеза дополнений Джона ван Сетерса // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 33. С. 11–38.

⁵⁰ Крутова М. С. Библейские переводы текстов Священного Писания в России: важнейшие списки и типы // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7, № 1. С. 236–281; Авдышев А. Д. Сравнительный анализ древних и современных переводов Книги пророка Даниила 7:9–10, 13–14, 22 // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7, № 1. С. 346–357; Акимов В. В. Проблемы перевода и толкования Еккл 1:2 // Скрижали. 2022. № 22. С. 66–120; Соколов А. П. Книга пророка Софонии / пер. с древнеевр. // Скрижали. 2021. № 21. С. 8–17.

законченного характера, имеющего, по мнению отдельных ученых, логическое содержание и цельное повествование. К таким выводам могут привести мысли, что «Пятикнижие, несмотря на разнохарактерность каждой из пяти частей, вызванную их особым содержанием (историческим в Исходе, юридическим во Второзаконии, религиозным в Левите и т. д.), обладает той цельностью, которая заставляет предполагать определенного автора, а не сумму текстов, принадлежащих перу различных людей. Лишь окончание пятой книги, где говорится о смерти Моисея, разумеется, написано другим автором»⁵¹. Как видим, данная теория основывается на позициях представителей традиционной школы, всесторонне отрицающей какие-либо современные доводы.

Повторяя сказанное, следует исходить из того, что начиная с XIX в., когда идея единоличного авторства Моисея была полностью отвергнута, возникает документальная гипотеза. Начало нового веяния в библеистике, считается, было положено с момента публикации в 1753 г. Ж. Астриюком книги, в которой он выражает недоумение относительно разнообразия имен, которыми именуется Господь на страницах Пятикнижия. В одних случаях это — יהוה, в других — יהוה־א. Ему вторит В. М. Л. де Ветте, который в 1805 г. в своей диссертации утверждает, что Второзаконие было написано примерно на 700 лет позже, чем жил пророк Моисей.

Дополнением к сказанному может служить концепция многослойности Священного Писания. Предполагается, что многослойность текста характеризует эпоху его появления, имея в своем повествовании отдельные, несравнимые черты, присущие лишь конкретным историческим периодам. В стиле изложения материала, в технике работы над историческим описанием событий получили отражение уникальные для своих эпох явления, неизвестные предшественникам.

Современной наукой формируются аргументированные теории, направленные на поиск пути к установлению подлинной истории формирования Торы. Даже самое внимательное чтение текста не может дать результата, возможного благодаря усилиям, направленным в свое время на создание хронологии формирования канона, с помощью инструментария современной библеистики. Археологические изыскания и палеографические исследования открывают скрытые ранее от науки факты. Сложно говорить о революционном прорыве последних десятилетий в библеистике, но очевидные достижения имеются. Однако стоит еще раз подчеркнуть, что библейские исследования не ставят и не должны ставить своей целью опровержение богодухновенного характера Писания. Наоборот, более детальное изучение внешней, человеческой или исторической части его содержания может приоткрыть тайну действия Бога в мире.

⁵¹ Павловский А. Популярный библейский словарь. М., 1994. С. 305.

Открытие неизвестных ранее сведений о каноне способствует лучшему постижению его уникального значения для истории спасения человека.

Продолжением линии «революционных» теорий стали концепции еще нескольких ученых. Теории, предложенные первоначально Й. Эйхгорном (1752–1827) и поддержанные после Ю. Велльгаузенем (1844–1918), впоследствии получают поддержку ряда исследователей. Так, Ю. Велльгаузен заявляет, что Пятикнижие принадлежит нескольким авторам, создававшим свои произведения на протяжении нескольких столетий. «По его мнению, автор Пятикнижия механически, “методом ножниц и клея” соединил куски документов в связанное целое»⁵². Этот неизвестный нам автор (возможно, священник Ездра, который соединил все существовавшие части воедино) являлся по-настоящему мастером письменного слова, с невероятной изысканностью и безупречным изяществом сделал разрозненные веками тексты единым целым, совершив дело, служащее спасению всего человечества. Вероятно, богодухновенный священник-писатель Ездра совершил самое значимое, что можно было сделать человеку для сохранения священных текстов последующим поколениям иудеев. В дальнейшем его вклад был унаследован новозаветной Церковью. Собрание воедино разрозненной древнееврейской письменности приобрело сакральное значение в деле получения Божественного Откровения. На основании предположений Ю. Велльгаузена, возникает теория коллективного авторства (Табл. 1).

Таблица 1

Источники Пятикнижия

Обозначение источника	Приблизительная дата появления
J (Яхвист)	850 г. до Р. Х.
E (Элохист)	750 г. до Р. Х.
D (Второзаконие)	622 г. до Р. Х.
P (Священнический кодекс)	500 г. до Р. Х.

Таблица показывает, что до времени окончательного собирания канона и до того как была сформирована каждая из представленных частей Пятикнижия, устный текст переживал определенный период рецепции в среде народа. Согласно документальной гипотезе, текст был собран из четырех источников, имеющих более-менее определенные границы, но указанная теория ничего не сообщает нам о жизни устного, или, возможно, письменного текста в древне-израильском обществе до момента формирования четырех источников. Не исключено, что часть текстов могла содержаться в записанном виде, а часть су-

⁵² Дрэйин Дж. Понимание Библии: Библейская критика // Библейская энциклопедия / Российское библейское общество. Б. м., 1995. С. 112.

ществовать исключительно в качестве устного предания. Окончательно установить, из каких источников черпали сведения кодификаторы, весьма трудно. Вероятно, что ко времени заключения книг в канон они уже имели свое письменное выражение. Большой сложностью представляется поиск ответа на вопрос, был ли текст после своего первоначального возникновения положен на письмо или же он оставался на протяжении некоторого времени, возможно, целых веков, лишь частью устного предания.

Общеизвестно, что сейчас Пятикнижие в иудейской среде представляет одну из главных святынь. Книги Торы обладают непререкаемым авторитетом, что позволяет иудаизму отвергать новейшие теории о формировании ее кодекса и не рассматривать их всерьез.

Может возникнуть вопрос, по какой причине слова отдельных пророков, других лиц, содержащиеся в Торе, стали восприниматься как слова Самого Бога? Каким образом отрывки предания, жившие самостоятельной жизнью в памяти народа, стали формироваться в канонические сборники с непререкаемым авторитетом? Что побудило древнеизраильское общество предаться делу фиксации устного предания? Угроза ли очередного пленения и, в связи с этим, возможность окончательной утраты Священного Предания, или же естественное развитие культуры Палестины привело к осознанию необходимости создания письменных источников? Ответы на многие из представленных вопросов могут носить лишь полемический характер. Дать точный ответ не представляется возможным. Подводя итог, можно сказать, что «под влиянием составителей Второзакония, собравших и использовавших наследие великой проповеди пророков, совершается еще один шаг. Окончательная запись древних израильских повествований отныне признается как слово Божие. Наконец, самое позднее, при возвращении иудеев из вавилонского плена и из рассеяния та же мысль применяется уже ко всей совокупности библейских книг, принявших более или менее тот вид, который мы знаем сегодня»⁵³.

Здесь мы видим подтверждение определенного рода рецепции еще устного предания (в будущем текста). Понятно, что не стали бы записывать предание, не имеющее непререкаемого авторитета, но записали бы то, которое пользуется уважением в народе и почитается, как слова Бога к человеку. Понятие о четырехсоставности Пятикнижия формируется в его содержании. Распространенность исследований в изучении многосоставного характера Пятикнижия приводит к тому, что «в своей наиболее обоснованной части современные теории касательно библейских письменных памятников не позволяют нам понимать многие разделы Библии иначе, как окончательное отложение ягвистских, элогистских, второзаконнических или священнических преданий»⁵⁴.

⁵³ Буйе Л. О Библии и Евангелии. Брюссель, 1988. С. 24.

⁵⁴ Там же. С. 215.

На протяжении всего XX в. в научном мире интенсивно обсуждалась теория Ю. Велльгаузена. Она находила сторонников и противников, но, в общем, в свое время она была воспринята положительно. Впоследствии выдвигались различные гипотезы, дополняющие его теорию, вариации относительно вопроса формирования отдельных фрагментов Пятикнижия, но с наступлением Новейшего времени и последними открытиями концепция Ю. Велльгаузена потеряла свою актуальность, так что все больше ученых современности отказываются от документальной теории, возвращаясь к традиционному взгляду относительно происхождения Пятикнижия или же склоняются к еще более либеральному его толкованию.

Документальная теория или гипотеза источников в совокупности своих аргументов несколько понижает степень достоинства библейских книг. Согласно ее концепции, авторы не были вдохновлены высокой целью создать часть будущего корпуса Священного Писания, а записывали только то, что, как они, возможно, считали, не будет иметь своего продолжения.

Документальная гипотеза фактически разрушает единство дошедшего до нас текста, который следует изучать прежде всего как исторически сложившийся цельный комплекс произведений Древней Палестины, то есть так, как он реально существовал и существует. Кажется маловероятной и предполагаемая в рамках документальной гипотезы методика работы составителя Пятикнижия: он словно бы выхватывал фрагменты из различных источников (иногда обрывки фраз, отдельные слова) и их компилировал. Однако кажется очевидным, что при такой «работе» не мог бы сложиться текст того художественного и идейного уровня, того единства, которое отличает Пятикнижие. К тому же документальная гипотеза фактически игнорирует имеющиеся в Библии указания на реально существовавшие тексты, прозаические и поэтические, которые, несомненно, были использованы составителем Пятикнижия⁵⁵.

Согласно документальной теории, имеет место четырехсоставность Пятикнижия, подобно тому как повествование о земной жизни Господа содержится в четырех разных вариантах — четырех Евангелиях. В поддержку документальной гипотезы можно привести параллель с постепенным формированием Четвероевангелия (I–II вв. по Р. Х.). Подобно этому и Пятикнижие, которое собирается постепенно, существует во многих вариантах, и только благодаря стараниям группы авторов становится единым целым.

Детали всех научных споров в библеистике о времени возникновения Пятикнижия отличаются разнообразными аспектами прочтения и восприятия текста учеными. Несмотря на это, большинство исследователей признают гетерогенность Пятикнижия, наличие в нем разнородных слоев, включение различных сочинений устных и письменных жанров. Но все равно документаль-

⁵⁵ Шифман И. Ш. Учение. Пятикнижие Моисеево. Введение в комментарии. М., 1993. С. 5.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

ная гипотеза продолжает вызывать споры и, в то же время, имеет поддержку у исследователей. В соответствии с документальной гипотезой выделяется несколько подходов, которые формируются на основании границ, просматриваемых между слоями Пятикнижия:

J + E + P и добавляется Второзаконие к D — в основном традиционное Пятикнижие;

J + E + P + ранние пророки — Книга Иисуса Навина, Судей и 1–4 Царств; Источник D включает в себя лишь произведения «ранних пророков»⁵⁶.

Существует не менее пяти доводов, выдвигаемых в опровержение авторства пророка Моисея и говорящих, что процесс создания Пятикнижия растянулся на века:

анахронизмы. Рассказ о смерти Моисея. Из чего следует, что он не мог написать эту книгу. В Быт 36. 31–39 перечисляются цари Едома в то время, когда в Израиле еще не было царей;

повтор событий. Например, дважды получает свое имя Беэр-Шева (Быт 21. 31; 26, 33). Рассказывается трижды, как Моисей восходит на Синай, хотя в промежутках не спускается (Исх 24. 9–18);

противоречия. Говорится, что человек был создан после всех других существ (Быт 1. 26–31), однако далее утверждается, что животные были созданы для человека (Быт 2. 7–20). В ковчег входит то ли по паре, то ли по семь пар каждого вида (Быт 6. 19–20) и (Быт 7. 2) соответственно;

различие в законах. В Исх 28. 1 предполагается, что жертвы могут приносить лишь потомки Аарона, а Втор 18. 6–7 допускает к жертвоприношению любого левита. Пасхального агнца согласно Исх 12. 8–9 жарят, а по Втор 16. 7 варят;

параллельно употребляются несколько имен Бога. Иногда используется имя Яхве, иногда Элохим⁵⁷.

К тем, кто выдвигает радикально новые теории происхождения Пятикнижия, относятся такие исследователи, как Т. Л. Томпсон, Я. Ван Сетерс, Р. Рендторф, Ч. Вестерман, Р. Альтер, М. Штернберг, и др.⁵⁸

Также к тем, кто предлагал абсолютно новые идеи относительно возникновения Пятикнижия, согласно учебнику «Введение в Ветхий Завет» под редакцией Эриха Ценгера, принадлежат Петер Веймар, Эрхард Блюм, Экарт Отто, Рейнхард Кратц, Фридрих Делич.

Для примера, согласно Петеру Веймару и Эриху Ценгеру, Пятикнижие состоит из определенных фрагментов, первые два или три фрагмента которого были составлены в период с VII по IV вв. до Р. Х.

⁵⁶ Вейнберг И. П. Рождение истории... С. 21–22.

⁵⁷ Дрейн Д. Путеводитель по Ветхому Завету. М., 2007. С. 239–240.

⁵⁸ Новый библейский комментарий. СПб., 2000. Ч. 1. С. 69–78.

Ф. Делич говорит: то, что «Пятикнижие Моисея имеет несколько различных источников, является неопровержимым фактом с научной точки зрения, как бы ни старались люди по ту и другую сторону океана закрывать на него глаза»⁵⁹.

Документальная гипотеза, которую одним из первых выдвинул Ю. Велльгаузен и затем ее многие подхватили, предполагала помимо наличия в кодексе Пятикнижия нескольких частей, еще и дополнительную книгу, трансформировавшую кодекс в «Шестикнижие». Рассматривалось, что книга Иисуса Навина должна стать продолжением Пятикнижия и составлять с ним единое целое. Данную теорию выдвинул Отто Ейсфельдт: «Согласно этой теории книга Иисуса Навина считается завершающей книгой Шестикнижия. Документальные источники (J, E, D, P), которые, как полагают критики, обнаруживаются в Пятикнижии, прослеживаются и в книге Иисуса Навина»⁶⁰.

Но в середине XX в. сформировался новый взгляд на Второзаконие, которое должно было выделяться из Пятикнижия и давать собой начало в полной мере новому грандиозному труду по истории Израиля — так называемой «девторономистской истории», куда помимо Второзакония должны были войти книги Иисуса Навина, 3–4 Царств и ранние пророки. Эта группа исследователей ввела совершенно новое понятие «Четверокнижия» и «девторономистской истории», что беспрецедентно в библейской науке и относится к современным теориям формирования канона⁶¹. «Четверокнижие» и «девторономистская история» объединяют собой все исторические книги Ветхого Завета. И, согласно Мартину Ноту, эти сборники были собраны после Плена человеком, которого критики назвали «второзаконником»⁶². Его гипотеза получает поддержку и развитие в работах современных исследователей — Франка Гросса и Баруха Гальперина, которым удалось установить время создания девтерономистской истории и высказать предположение о ее авторе.

Ф. Гросс в своей несколько раз претерпевавшей изменения гипотезе приходит к подтверждению существования девтерономистского автора среди авторов книг Танаха. Он обратил внимание, что во Второзаконии и книгах ранних пророков автор особо выделяет царя Иосию и посвящает ему немалую часть общего повествования. Он его сравнивает с Моисеем, всячески восхищается им и напоследок приводит пророчество, которое было произнесено о нем за триста лет до его воцарения (3 Цар 13. 1–2), а далее указывает на его исполнение (4 Цар 13. 1–2). Ф. Гросс окончательно озвучил эту гипотезу в 1973 г., но после незначительной критики уточнил, предположив, что у девтерономистской

⁵⁹ Делич Ф. Библия и Вавилон. М., 2014. С. 27.

⁶⁰ Смит Д. Исторические книги Ветхого Завета. М.; Нижний Новгород, 2012. С. 17.

⁶¹ Давыдов И. П. Документальная гипотеза // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 299–301.

⁶² Смит Д. Исторические книги Ветхого Завета... С. 17.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

истории было два автора. Первый жил во времена Иосии, а второй дописывал ее в Вавилонском плену. Тем самым гипотеза, которая принимается многими современными исследователями, утверждает, что Второзаконие и большинство ранних пророков написаны одним человеком в конце VII в. до Р. Х.⁶³

Относительно Второзакония все эксперты приходят к выводу, что не менее пяти веков отделяют описываемые события от самого текста. Возможно, составители Второзакония хотели придать авторитет стилю воззвания, который был понятен именно для VII в. до Р. Х. Авторы пытаются увековечить жизнь подражанием, когда необходимо оставить в прошлом отвергнутое самим народом, чтобы передать и сохранить истину для будущих поколений⁶⁴.

С книгой Второзаконие и вообще с девтерономистской школой имеют много общего книги Царств. Книги Царств относятся к группе книг ранних пророков, что видно из самого контекста повествования, где обличается идолопоклонство. Исходя из многих явных параллелей книг Царств, следует, что они были отредактированы в конце VIII в. до Р. Х. неким переписчиком, бежавшим из захваченного Северного царства на юг, где он и предпринял свой труд⁶⁵.

Исходя из теории А. Рофэ, допустимо предположить, что книги Царств были отредактированы именно в VIII в. до Р. Х., когда была предпринята и редакторская обработка пророчества о династии Давида. Книги Царств могли редактироваться и после; на основании теории А. Рофэ невозможно понять, последняя ли это редакторская обработка. Вероятно, редакторские изменения могли предприниматься и после, что требует дальнейшего изучения истории книг Царств.

Б. Гальперин в 1974 г. публикует работу, где доказывает, что главная «законодательная» часть Второзакония (гл. 12–26) восходит к источнику, который сложился за несколько столетий до Иосии. Впрочем, он подтверждает, что Второзаконие в целом написано во времена Иосии. Здесь налицо вхождение древнего источника в более позднюю общую рамку. Относительно же автора девтерономистского сборника Б. Гальперин, исходя из многих совпадений, указывает на пророка Иеремию, современника царя Иосии, как на того, кто является искомым всеми автором детерминистического цикла⁶⁶.

Ричард Фридман некогда оспаривал гипотезу Ф. Гросса в ее первоначальном варианте, после чего указывал на вероятность существования второго автора девтерономистской истории, говоря, что этим автором может быть Иеремия — именно он мог описать начальный период Вавилонского плена после своего бег-

⁶³ Нудельман Р. Прогулки с Библией. М., 2014. С. 46–50.

⁶⁴ Бло Ж. Моисей наш современник. СПб., 2001. С. 250–251.

⁶⁵ Рофэ А. Повествования о пророках. Иерусалим, 1997. С. 103–105.

⁶⁶ Там же. С. 50–55.

ства в Египет. Также Ф. Гросс ссылается на Талмуд, который косвенно подтверждает его гипотезу, указывая автором 3–4 Царств пророка Иеремию⁶⁷.

Ранее А. Геддес (1737–1802) также усматривал литературную близость Пятикнижия с Книгой Иисуса Навина. Теорию поддержали другие исследователи, лишь немного ее уточнив. М. Нот, Г. фон Рад отмечали содержательное и стилистическое единство от Бытия до 4 книги Царств. По их мнению, текст возник постепенно на базе ряда источников, благодаря работе нескольких редакторов, принадлежавших к одному культурному кругу⁶⁸.

«Критический анализ Пятикнижия показал, что оно представляет собой конгломерат разнообразнейших текстов, ведущих свое происхождение с XI по IV вв. до н. э. В нем обнаруживается ряд противоречивых и непоследовательных положений»⁶⁹.

Предложенные многочисленные теории говорят, что у Пятикнижия не один автор, а, как минимум, четыре. Кроме того, есть предположение о предполагаемом редакторе Пятикнижия. Хотя невозможно достоверно утверждать, что источники Пятикнижия были связаны между собой неким редактором. Если имело место вмешательство редактора в формирование завершеного вида Пятикнижия, тогда стоит признать его выдающимся человеком своего времени с непоколебимым авторитетом, которому было доверено решать судьбу текстов для окончательной их канонизации.

Документальная теория во многом проливает свет на проблему определения источников Пятикнижия, но она не может ответить на вопросы, кто был автором каждого из отдельных источников и когда они были написаны. Документальная теория не отвечает и на вопрос о редакторе текстов. Источники Пятикнижия после их написания разными авторами должны были быть помещены в сборник, который был призван являть собой цельный текст для последующих читателей.

Современный иудаизм смотрит на проблему объяснения истории формирования Торы, во многом согласуясь с документальной теорией. Иудаизм не выдвигает теорий о четырех авторах или одном редакторе, но принятие документальной теории лишь как предположения оказывается допустимым. В соответствии с учением иудаизма о Торе, считается возможным мыслить в рамках того, что первоначально существовала устная Тора, которая впоследствии была записана. До появления последней не существовало строгих различий между Священным Писанием и традицией, между авторитетным учением и устоявшейся нормой, между устной и письменной Торой. Есть предположение, что до составления канона Тора включала не только те тексты, которые

⁶⁷ Рофэ А. Повествования о пророках. С. 55.

⁶⁸ Хлебников Г. В. Библия // Культурология. Энциклопедия. М., 2007. Т. 1. С. 201.

⁶⁹ Косидовский З. Библейские сказания. СПб., 2005. С. 255.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

сейчас введены в состав канона Еврейской Библии⁷⁰. Поэтому, как видим, никаких противоречий с иудаизмом у документальной теории нет.

Выводы об истории формирования канона в современный период приобретают самые неожиданные очертания, проявляя себя в разнообразных гипотезах. Данные гипотезы настолько ломают установившиеся представления о каноне, которые были сформированы представителями «документальной гипотезы», что можно говорить о возникновении совершенно новых течений в исследовании канона. Это вносит разнообразие, порождает научную дискуссию, но одновременно заставляет задуматься о необходимости развития исследований о каноне в представленном направлении. Ведь возникающие теории, предоставляя библеистике возможность взглянуть на канон под новым углом, вместе с тем привносят разногласия, когда теории не находят должной аргументированной поддержки и, как следствие, не консолидируют исследовательское сообщество. Каждая теория подвергается научной критике, многие контраргументы на предыдущие выводы исследователей отвергают предыдущую теорию и формируют свою.

Одновременно с этим можно говорить о положительной динамике, свидетельствующей о росте интереса к библеистике, что видно на примере возникновения новых направлений мысли и формирования серьезного научного аппарата. В основном на представленном исследовательском поле работают ученые-одиночки. Реже они объединяются в группы из нескольких ученых для проведения исследований в том или ином направлении. Вместе с тем, можем видеть, что широкого распространения, принятия и обсуждения представленные теории не вызывают. Это в первую очередь может быть связано с консервативностью мышления, когда вопросы сакрального характера, а именно возникновения и формирования канона Священного Писания, не поддаются переоценкам. Кардинальный пересмотр консервативного мышления относительно авторства и формирования канона может вызвать самую неожиданную оценку общества. Поэтому данные теории нужно выносить на обсуждение с должной осторожностью и всецелым осмыслением всех возможных последствий для Церкви.

Исследователь иногда может столкнуться с ложным страхом перед будущими открытиями новых фактов. Всегда есть вероятность, что новейшие гипотезы формирования и авторства канона могут быть отвергнуты последователями вследствие открытия новых сведений в рамках текстологии или другой библейской науки. Также допустимо появление новых методологий, что может привести к открытию новых, ранее нам неизвестных, сведений. В данной области лучше не стремиться к искусственному порождению научных течений, школ, а с осторожностью заниматься изучением формирования канона, делая научные выводы в рамках традиции.

⁷⁰ Benjamin D. Sommer // *One Scripture or Many?: Canon from Biblical, Theological, and Philosophical Perspectives*. Oxford, 2004. P. 142–143.

Возвращаясь к Пятикнижию, относительно которого уже на протяжении нескольких столетий идут ожесточенные споры, исследователи, представляющие западные библейско-богословские школы, расходятся в своих научных изысканиях. Представители отечественных духовных школ и академической среды тоже не имеют общего мнения по представленному вопросу, так что «нельзя назвать и двух “критиков”, согласных между собой в определении как основных “источников Пятикнижия”, так и времени их появления. Таким образом, мы имеем значительное число произвольных построений и домыслов на данную тему, совокупность которых амбициозно именуется “высшей библейской критикой”»⁷¹.

Представители целого ряда библейских критиков, начиная с еврейского философа XVII в. Бенедикта Спинозы и продолжая Жаном Астриком, Юлиосом Велльгаузенем и Вильгельмом Шмидтом, оспаривали авторство Моисея, утверждая, что Тора состоит из нагромождения множества фрагментов, слабо связанных между собой. Но благодаря археологическим открытиям XIX–XX вв., когда были прочитаны египетские иероглифы, раскопаны библейские города, расшифрованы надписи и целые источники на ряде древнесемитских языков, стали известны новые подробности жизни еврейских писаний до Христа. «Многие открытия разнесли в пух и прах “окончательные выводы” так и не пришедших к соглашению между собой, яростно споривших и создавших десятки бездоказательных теорий “библейских критиков”»⁷². К тому же свитки Пятикнижия, найденные в пещерах Кумрана, подтверждают существование письменной традиции, которая была распространена в Палестине прежде появления Торы на свитках и в современном ее виде.

В настоящее время документальная теория и сам вид библейской критики, построенный на выделении и анализе фрагментов Пятикнижия, несмотря на некоторую поддержку исследователей, считаются устаревшими, «поскольку “человеческие” источники Ветхого Завета гораздо более многообразны и сложны для определения и оценки, чем немногие письменные источники»⁷³.

В любом случае, если даже Пятикнижие и состоит из нескольких фрагментов, документальная гипотеза может заявить, что «какой-то безвестный (и, несомненно, гениальный) Редактор ухитрился так продуманно и искусно соединить все эти четыре разных и внутренне полемичных документа, что они образовали единое целое, и притом — не просто целое, а такое целое, которое превышает сумму своих частей»⁷⁴.

⁷¹ Щедровицкий Д. В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2001. Т. I. Книга Бытия. С. 8.

⁷² Там же. С. 8.

⁷³ Стюард Д. Экзегетика Ветхого Завета. СПб., 2003. С. 91.

⁷⁴ Нудельман Р. Прогулки с Библией. М., 2014. С. 60.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

Документальная теория на протяжении последних столетий не подверглась существенным изменениям, оспаривались не только некоторые ее детали, но подвергались сомнению выводы ее авторов. Были и те, которые абсолютно отрицали документальную теорию и все сделанные ее посредством научные выводы. На смену ей пришли «фрагментарная теория», «кристаллизационная теория», «теория дополнений» и другие менее известные гипотезы.

Согласно фрагментарной теории, в основе Пятикнижия не два (три, четыре...) источника, а огромное множество мелких фрагментов, принадлежащих неизвестным авторам. Исследователи, выдвинувшие кристаллизационную теорию и теорию дополнений, считают, что первоначально Пятикнижие было основано на одном источнике и только со временем к нему прибавлялись другие «мелкие текстички»⁷⁵.

Часть ветхозаветных книг абсолютно анонимна, вывести имя автора из контекста самой книги или встретить вероятное имя автора в содержании других книг невозможно. С одной стороны, вопрос об авторстве может показаться безразличным, ибо книга канонизирована и освящена традицией, — а с другой, содержание Откровения станет для верующего живее и приобретет более точный смысл, если удастся локализовать библейский текст во времени и пространстве. Принципы канонизации текста нам не известны, но кодификаторы, скорее всего, отдавали предпочтение включению в канон книг, авторство и историю которых они знали. Очевидно, что по определенным причинам до нашего времени не сохранилось сведений, известных кодификаторам, что не мешает нам сегодня доверять их выбору, исходя даже из вероучительного и нравоучительного императива содержания книг.

Вызывает интерес рассуждение А. В. Карташева на этот счет: «...ветхозаветная Церковь отбирала и канонизировала книги, т. е. признавала их богодухновенными — иногда не без долгих споров и колебаний, — по их внутренней ценности и поучительности, а не по славе авторских имен. Новозаветная Церковь автоматически восприняла эту традицию, ничего в ней не меняя, т. е. ставя богодухновенное достоинство книг в зависимость от того, что они были признаны таковыми праотеческим иудейским преданием (это и значит “канонизированы”), а не потому, что именные они или безымянные, известны их авторы или нет»⁷⁶. Но в то же время Священное Писание не дает нам точного определения критерия богодухновенности⁷⁷.

Для православия и мышления любого христианина сама постановка вопроса об авторстве Пятикнижия имеет второстепенное значение. Пятикни-

⁷⁵ Стогов И. Так говорит Йахвэ: Карманный путеводитель по Ветхому Завету. М., СПб., 2003. С. 182.

⁷⁶ Карташев А. В. Ветхозаветная библейская критика. Париж, 1947. С. 20–21.

⁷⁷ Федосеев Д. А. Авторитетность перевода LXX в свете его богодухновенности согласно Посланию Аристее к Филократу // Христианство на Ближнем Востоке. 2018. № 4. С. 75.

жие — это Божественное Откровение, а автор Откровения — Сам Бог. Церковь хранила его в своей сокровищнице и пронесла сквозь века, закрепив в вариативном и унифицированном вариантах⁷⁸.

С середины XVIII в. возникавшие гипотезы о происхождении Пятикнижия будоражили католическую общественность, так как их зарождение происходило в Западной Европе и привело к неприятию документальной теории католическими учеными. Так происходило до 1948 г., когда Папская Библейская комиссия признала ее как ценную рабочую гипотезу и стала использовать как метод исследования (отчасти можно усмотреть в этом заявлении Комиссии «двойственность и осторожность католической позиции»⁷⁹ относительно возникшей теории). Это дало понимание, что богодухновенный автор мог использовать документы, известные только ему, мог доверить составление текстов группе помощников, мог иметь у себя под руководством второго богодухновенного автора, а в числе составителей Пятикнижия могли быть и небогодухновенные авторы, которые могли вводить дополнения, комментарии, лингвистические поправки. В любом случае «если нельзя говорить о Моисее как о единственном авторе в буквальном смысле, он все равно остается отцом Пятикнижия. И, в сущности, безусловно следует признать именно Моисея главным творцом основной книги Ветхого Завета»⁸⁰.

Еще один аргумент, который выдвигают, отрицая Моисея как автора Пятикнижия, — утверждение, что в его время письменность была недостаточно развита и Моисей мог не владеть ею на достаточном для написания книг уровне. На это стоит ответить, что «письменность существовала уже за несколько тысяч лет до Моисея»⁸¹. Письменная традиция была непрерывной от эпохи Авраама до Саула, письма выбивались на камнях, обмазанных мокрой известкой (Втор 27. 2–3) и вырезались на дереве. Это может являться залогом передачи реальных исторических событий в книгах Моисеевых⁸², которые до своей фиксации на свитках существовали в своем праисторическом виде на камне и дереве.

Моисей получил образование во дворце фараона («...и научен был Моисей всей мудрости египетской» (Деян 7. 22)), что, несомненно, свидетельствует о наличии достаточного образования для составления письменных текстов: «...Египет был одним из центров цивилизации, Моисей, находясь при дворе, имел возможность получить наилучшее по тем временам образование»⁸³.

⁷⁸ Снигирев Р. *прот.* Законоположительные книги Ветхого Завета. М., 2010. С. 7.

⁷⁹ Минаков Е. Реконструкция истории израильского народа отрицательной библейской критикой (теория Графа — Велльгаузена и ее варианты) в свете современных археологических исследований Палестины: курсовое сочинение. СПб.: СПбДА, 2007. С. 74.

⁸⁰ Галибиати Э. Трудные страницы Библии: (Ветхий Завет). М., 1995. С. 66.

⁸¹ Гейслер Н. Ответы критикам Библии. СПб., 2007. С. 10.

⁸² Сафронов В. А., Николаева Н. А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М., 2003. С. 25.

⁸³ Прокопенко А. Бытие: Комментарий. СПб., 2012. С. 22.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

Египет в эпоху Моисея имел тесные культурно-экономические связи с Ханааном, где на заре II тысячелетия до Р. Х. в Месопотамии и в районе Угарита возникает один из древнейших кодексов, известных человечеству, — кодекс законов Хаммурапи. Последующие Закон Моисеев и канон письменности Ветхого Завета, отголоски которого начали появляться в начале I тысячелетия до Р. Х., в какой-то мере похожи на уже распространившиеся среди языческих племен кодексы законов⁸⁴. В Пятикнижии прослеживается значительная схожесть с кодексом законов Хаммурапи. Казуистический стиль и аподиктическая формулировка законов отражены в обеих книгах⁸⁵. Не исключено, что евреи переняли метод изложения и формирования текстов, что было неким естественным ответом на законы племен, не знавших истинного Бога, и руководством для жизни древних израильтян. Притом стиль изложения был хорошо известен не только местным племенам, но и евреям, поселения которых были распространены в Древнем мире и, как кажется, не хотели изобретать ничего нового, чтобы изобразить знакомую им Божественную суть мироздания.

О широком использовании Моисеем письменности говорят сами тексты: Исх 17. 14; 24, 4; 34, 27; Числ 17. 2; Втор 6. 9; 24, 1; 31, 19. Но, однако, могло быть так, что при написании Книги Бытие Моисей «воспользовался записями, переданными ему предыдущими поколениями. А книги Исход, Левит, Числа и Второзаконие, в которых описывается его жизнь и труды, несомненно были написаны под его личным наблюдением»⁸⁶.

Интересным доводом в защиту древнего происхождения библейских текстов может служить мысль, что Книга Бытие и другие книги Пятикнижия склоняются к использованию однотипных стилей в выражении и описании разных явлений. Семитский язык во II тысячелетии до Р. Х. был так беден словами, что часто одно слово выражало несколько понятий, как, например, слово «דו»», обозначающее и день, и период времени. Таким образом, «Моисей пишет языком своего времени, языком пастушеского народа, когда слова и понятия были достаточно ограничены, а язык символов был очень близок еврейскому народу, так как широко использовался в Египте»⁸⁷.

К тому же сами выводы, что библейские тексты написаны не их предполагаемыми авторами и даже не во время их жизни, не означает, что идеи, заложенные в них, не принадлежат священным авторам, согласно надписаниям. Слиш-

⁸⁴ *Василиадис Н.* Библия и археология. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2006. С. 126.

⁸⁵ *Нефедов М.* Сходства и различия между Книгой Завета (Исх 21–23) и законами Хаммурапи // Мат-лы IV Студ. научн.-богосл. конф. Санкт-Петербургской православной духовной академии: сб. докл. 2012. С. 72.

⁸⁶ *Геллей Г. Генри.* Краткий библейский толкователь. Торонто, 1984. С. 64.

⁸⁷ *Ляшевский С., прот.* Опыт согласования современных научных данных с библейским повествованием в свете новейших археологических раскопок и исследований. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. С. 4.

ком поспешным кажется предположение, что мысли последующих составителей книг были чужды и незнакомы авторам первоначальных устных преданий. Слова первичных авторов устных текстов не всегда облекались в письменную форму в силу существования иной традиции передачи информации.

Библейская критика, поставив целью своего существования сделать открытия в деле изучения происхождения священных текстов и формирования канона, занималась анализом фрагментов, жанров, традиций, связанных с определенными религиозными школами. Библейская критика в своем развитии отталкивалась от многих значимых фрагментов Библии и брала во внимание многие инструменты исследования⁸⁸. Несмотря на все усилия сотен ученых, датировать время итогового формирования канона или указать с точностью предполагаемых авторов Пятикнижия не удалось. Библиистику и умы многих ученых продолжает смущать многоголосица исследователей многих религиозных школ.

Уже одна Книга Бытие, где «перед нами открываются и торжественные пассажи, и бытовые сценки, и заклинания»⁸⁹, своим содержанием предоставляет столько исследовательского материала, что разобраться со всей жанровой, стилевой и плановой пестротой текста составляет серьезную и трудную задачу.

В американских и европейских исследовательских библейских центрах уже долгое время занимаются изучением Библии, применяя к ней разнообразные критические методы, которые позволяют ввести в научный оборот многие новые концепты. Новые, ранее не использовавшиеся методики исследований способствуют внедрению в библейские исследования новых инструментов для извлечения ранее неведомых сведений о жизни израильского общества и истории его священной письменности. Вместе с тем, необходимо помнить об ответственности в методах, используемых учеными-библистами, с целью сохранения традиционного отношения к Писанию. Перед библистикой возникает необходимость предоставления ей определенных инструментов, помогающих более детальному изучению сути ее предмета⁹⁰.

Таким образом, подводя некий итог сказанному, нужно сделать вывод, что библейская критика, а именно та ее часть, которая называется высшей библейской критикой, установила: Ветхий Завет является собранием исторических документов, народных легенд, ритуальных предписаний, источники которых относятся к различным эпохам и их социальным слоям. Все эти литературные фрагменты собрали и обработали еврейские компиляторы, преимущественно

⁸⁸ Библейские исследования: сб. ст. М., 1997. С. 15–20.

⁸⁹ Селезнев М. Г. Русская Библия: между Масоретским текстом и Септуагинтой // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2011. № 4 (4). С. 52–53.

⁹⁰ Gunn D. M. Narrative in the Hebrew Bible. Oxford, 1993. С. 10–11.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

в послевавилонское время, от чего и пошатнулись устоявшиеся представления о традиционном авторстве ветхозаветных книг⁹¹.

Можно согласиться и принять как гипотезу то, что «основная и более древняя часть Библии — Пятикнижие — сложилась из разнообразных источников, записанных около VIII века и сведенных еврейскими жрецами воедино в книгу в середине V века до нашей эры»⁹². Этот факт ни в коей мере не снижает уверенности в статусе Божественного Откровения, которое присвоено этим книгам.

Канонизация Пророков

Одновременно с процессом составления Пятикнижия начинается деятельность по составлению определенного пророческого кодекса. Это было естественным процессом, так как Пятикнижие формировалось на протяжении нескольких столетий. Параллельно с ним могли создаваться книги будущего пророческого корпуса, которые стали органической частью ветхозаветного откровения.

Возникновение пророческих писаний главным образом связано с трагической историей народа Божия, разделившегося на два царства — Иудейское и Израильское, когда вместе с утратой единства были потеряны прежние благочестие и уважение к Закону. Для противодействия дальнейшему отступлению и уклонению в идолопоклонство Бог посылает пророков, которые должны были способствовать трансляции и сохранению истинной веры. Многие из них оставили письменные сочинения, впоследствии ставшие частью священного канона⁹³.

Корпус пророческих книг не просто так помещен в каноне на втором месте. После формирования Закона, когда он уже начал считаться священным, взор народа начал обращаться к прошлому, возникла проблема признания святости писаний древних пророков и причисления их к канону. Законным, или, иными словами, каноничным утверждением является то, что «канон начинается там, где пророчество кончается, однако подкрепляется его пламенной риторикой»⁹⁴, а значит, пророческие писания сыграли немаловажную роль в становлении ветхозаветного канона.

Появление пророческой письменности имело важное значение в развитии древнеизраильского народа. Сокровенные отношения с Богом, которые имели свое развитие на протяжении веков, иногда, по причине уклонения народа в идолопоклонство, претерпевали время упадка и забвения. Ради возрождения былой связи с Богом в среду народа посылались пророки, которым следо-

⁹¹ Библейские сказания. М., 2001. С. 7.

⁹² Ворopaева К. Л. «Священные книги» и кто их написал. Ленинград, 1959. С. 9.

⁹³ Богословский М. Священная история Ветхого Завета. М., 1885. С. 285.

⁹⁴ Мисецкий Е. В. Египет и становление теологии Ветхого Завета // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 6. С. 82.

вало возродить веру и дать надежду на грядущее избавление. Пророкам приходилось действовать, руководствуясь оглашением предсказательных речей с целью устрашения перед готовящимся будущим возмездием за грехи. В связи с этим причиной формирования пророческих сообществ, где создавалась пророческая письменность была забота Бога о народе, некогда избранном Им для выполнения особой миссии. Поэтому цель пророческих книг состояла в том, чтобы «устроить поступающих неправильно людей грядущими наказаниями, посылаемыми Богом, заставить их покаяться и вернуться к следованию правилам его Завета, пообещать вернувшимся в лоно церкви Божью милость и прекращение гонений и страданий»⁹⁵.

Считается, что приблизительным временем формирования пророческого канона был период после завершения жизни пророков. Начиная с V в. до Р. Х. на пространстве библейской Палестины не появлялось пророков, чьи сообщения впоследствии вошли в состав канона. От последователей пророков требовалось зафиксировать устно существовавший материал. Перед этим необходимо было собрать все имевшиеся вариации слов пророка, сверить их, выявить позднейшие привнесения, согласовать со старейшинами и позаботиться о придании созданной книге авторитетного статуса. Сложность всех этапов создания пророческой книги из разрозненного материала, где упоминались отдельные эпизоды из жизни и служения пророка, объясняет существование длительного периода в истории иудаизма, когда пророческой письменности придавали существующий в настоящее время вид.

Собирание пророческой письменности затянулось на два столетия после жизни Ездры, и считается, что к 250 г. до Р. Х. была составлена вторая часть канона⁹⁶, что говорит о присоединении к Торе собрания новых произведений с названием Пророки⁹⁷. Исходя из этого можно утверждать, что «сборник пророков к началу II в. до Р. Х. получил окончательную форму»⁹⁸, о чем свидетельствуют заявления критического направления современных ученых-библеистов.

Вместе с тем, ряд исследователей заявляют о сложности относительно утверждения датировки окончательного формирования канона Пророков, но с достаточной уверенностью относят его к периоду конца II в. до Р. Х., а главное, предлагают теорию окончательного формирования канона Пророков раньше корпуса Писаний⁹⁹.

⁹⁵ Сидоренко Н. И. Основания науки в Ветхом Завете // Известия Московского государственного индустриального университета. 2007. № 3 (8). С. 21.

⁹⁶ Сандерланд Д. Т. Библия: Ее происхождение, развитие и отличительные свойства. М., 2015. С. 150.

⁹⁷ Время и Библия: сб. ст. Челябинск, 1978. С. 5.

⁹⁸ Мень А., *прот.* Исагогика. М., 2000. С. 311.

⁹⁹ Barton J. Text in Context: Essays by Members of the Society for Old Testament Study. Oxford, 2000. P. 217.

Так, например, Книга пророка Даниила, исходя из своего содержания, должна быть написана во время Вавилонского плена в VI в. до Р. Х., но ученые критического направления в библеистике представили доказательства, что книга была написана на 400 лет позже, во II в. до Р. Х. неизвестным автором¹⁰⁰. Отсутствие конкретного автора или редактора позволяет утверждать о коллективном формировании текста книги. Наиболее авторитетные книжники и раввины могли коллегиально, совещаясь и соотнося все элементы предания, написать книгу, собрав в нее все упоминания о пророке Данииле и произнесенных им пророчествах. Озаглавив книгу именем пророка, компиляторы придали ей священное значение, что ставило ее в один ряд с авторитетнейшими пророческими свидетельствами, зафиксированными на письме. Письменная фиксация пророчеств, живших долгое время в памяти народа, могла быть следствием и приближающегося истечения семидесяти седмин (Дан 10. 3), а значит, близящегося пришествия Мессии. Нельзя исключать заботу, которая таким образом была проявлена о будущих поколениях книжниками, желавшими, чтобы их преемники явно распознали воплотившегося Мессию.

Книга пророка Исаии, по мнению библеистов критического направления, состоит из трех частей, появившихся в разные века. Первая часть, называемая Первоисаия (1–49 главы) относится к VIII в. до Р. Х.; вторая часть (40–55 главы) — датируется VI в. до Р. Х.; а третья часть (56–66 главы) — Третьеисаия, принадлежит II в. до Р. Х., эпохе эллинизма¹⁰¹. Приведенная теория как ничто лучше доказывает формирование книги в результате компилятивной работы нескольких авторов. Пророчество Исаии, как и пророчество Даниила, имея значительное мессианское содержание, играло важную роль в жизни ветхозаветной общины. Надежды и чаяния ветхозаветного человечества вращались вокруг зафиксированных в пророчествах обетований о грядущем избавлении посредством пришествия Машиаха.

Если окончательный письменный канон пророческих книг появился ко II в. до Р. Х., то устный вариант текста возник значительно раньше: «Шестнадцать пророческих книг в Ветхом Завете относятся к сравнительно короткому временному интервалу в общей панораме истории Израиля (приблизительно к 760–460 гг. до Р. Х.)»¹⁰². Буквально лишь на протяжении трех столетий совершают свое служение пророки, чтобы оставить единственные зафиксированные на письме тексты пророческого содержания. В этот период народ нуждался в особом посредничестве, дабы сохранить для последующих поколений историю благословений и предостережений.

¹⁰⁰ Эрман Б. Великий обман: Научный взгляд на авторство священных текстов. М., 2013. С. 189.

¹⁰¹ Малахова Л. Д. Библия: история и современность: уч. пос. СПб., 1999. С. 57.

¹⁰² Фи Г., Стюарт Д. Как читать Библию и видеть всю ее ценность. СПб., 2009. С. 279.

Расхождения в датировке книги и времени появления ее устного текста свидетельствуют о разных эпохах, в которых проводилась работа над текстом. Пророки могли не проявлять достаточной заботы о фиксации своих слов на письме. Главным для пророка было произвести впечатление на слушающих и склонить их к изменению образа мышления. Кругозор ветхозаветного иудея должен быть исполнен покаянного чувства, чтобы духовное видение готово было распознать Мессию. Изречение пророчеств сопровождалось и вдохновением, которое испытывал сам пророк, когда его устами говорил Бог. Публичная деятельность пророков не исключает того, что их речи не всегда носили обличительно-покаянный характер. Слова пророков фиксировались в памяти слушающих, чтобы потом, спустя долгое время зафиксировать услышанное на письме. Учитывая, что слова пророка могли забыться слушающими и в какой-то мере стереться из памяти народа, позднейшим фиксаторам приходилось извлекать из народного сознания представления о смысле и деятельности пророка.

Период с VIII по V вв. до Р. Х. был насыщен многочисленными событиями в жизни народа Древнего Израиля. Появились пророки, которые в спокойное время призывали к покаянию и исправлению жизни, а во время страшных потрясений обещали скорое завершение бедствий и наступление мирного времени. Пророки в своем служении указывают народу парадигму дальнейшего поступательного духовного развития, поучая о нравственных границах допустимого в жизни древних евреев. Анализируя пророческое служение, зафиксированное в ветхозаветных книгах, можно сделать вывод, что нравственное содержание проповеди заключалось в ряде этико-моральных принципов, которые были лейтмотивом служения пророков. Из этого следует, что «этика пророков имеет два смысловых закона, кроме духовно-религиозного: закон человеческого совершенствования и закон нравственного удовлетворения»¹⁰³. Пророки выступают с особой целью, пытаясь в своем служении задать определенный нравственный императив жизни общества. И именно этот нравственный кодекс должен был стать движущим механизмом возвращения человека и общества к Богу.

Читая пророческие книги, невозможно не заметить, что многие из них описывают конфликты, возникавшие между Богом и человеком. Причина этому только одна — уклонение от единобожия в переход к многобожию. По отношению к государственной жизни и общественному укладу пророки выступают в своих писаниях возмутителями спокойствия, которые постоянно угрожают неизбежной карой для народа, а иногда и изгнанием с исторических мест проживания. Следуя такой логике, возникает вопрос: как столь радикальные писания попали в ветхозаветный канон? Ведь все пророческие

¹⁰³ Ельяшевич С. Два завета: этюды и материалы по истории религии Ветхого и Нового Заветов. М., 1912. С. 231.

книги повествуют о невероятных сложностях принятия идеи монотеизма всеми израильтянами. Описанные трудности жизни общества могли пошатнуть веру последующих поколений и принизить иудаизм в глазах иноверцев. На этот вопрос можно ответить тем, что «исключить пророческие книги из канона было невозможно, хотя бы уже потому, что в исторической реальности действительно произошли ужасающие потрясения, о которых предупреждали пророки»¹⁰⁴. Именно подобного рода потрясения, несмотря на всю трагическую их составляющую, были единственным путем приготовленного Богом Своему народу избавления от греха. Отрицательные последствия имевших место потрясений были меньшим злом для народа, чем богооставленность. Величайшее будущее, которое предназначил Бог для евреев, становилось наивысшей наградой за перенесенные злоключения.

Деятельность пророков, как правило, проходила в периоды, когда в древнеизраильском обществе существовала опасность от иноплеменников. Пророки выходят на проповедь во время приближающейся опасности от иноплеменников или отсутствия внутренней стабильности. В спокойное время жизнь еврейского народа становилась менее богоцентричной, что сопровождалось отступлением от исполнения заповедей. Далее следовало предостережение Божие, в котором содержался призыв к покаянию. После потрясений, случавшихся вследствие уклонения от Закона, в истории древнееврейского народа были периоды, когда непродолжительное спокойствие давало возможность восстановить силы и обустроить общественную жизнь. История еврейского народа, начиная со времени переселения праотца Авраама в Ханаан, изобилует кризисными явлениями, когда приходилось на долгое время оставлять Ханаан, терпеть притеснения от живших вокруг враждебных племен, бороться за каждый клочок палестинской земли. Внутринародные разногласия наносили не меньший вред, чем внешняя опасность. Разделение народа после смерти Соломона привело к ослаблению каждого из царств. Отсутствие консолидации сил сделало возможным захват ассирийцами израильских земель. В этот период жизнь еврейского народа в своем поступательном развитии откатывается на века назад, что требует дополнительных усилий к восстановлению храмового богослужения и общественной жизни. Деятельность пророков в пред- и посткризисное время условно можно разбить на несколько периодов:

Ассирийское нашествие, приведшее к падению Израильского царства и осаде Иерусалима (760–700 гг. до Р. Х.), — деятельность пророков Амоса, Осии, Исаии;

Вавилонское вторжение, приведшее к падению Ассирии и завоеванию Иудеи и Иерусалима (650–580 годы до Р. Х.), — деятельность пророков Аввакума, Софонии, Наума, Иеремии, Иезекииля;

¹⁰⁴ Волков А. Б. Ветхозаветные пророки. М., 2005. С. 45.

Послепленный период. Нахождение под властью Персии, духовное возрождение, становление национального самосознания (530–480 гг. до Р. Х.) — деятельность пророков Аггея, Захарии, Иоила, Авдия, Малахии, Даниила¹⁰⁵.

Пророк не обязательно был духовным писателем. Известно существование многих пророков, которые не оставили никакого наследия или же их произведения не были включены в канон и не дошли до нас. Пророки с устной или впоследствии письменно зафиксированной проповедью появляются лишь когда в жизни древнеизраильского народа возникают трудности. Интересно, что «все пророки, оставившие после себя книги, жили в период, равный 400 годам, что приблизительно соответствует времени, когда происходили события, описанные в Книге Судей. Примерно с 800 по 400 года до Р. Х. было время, когда несли служение пророки»¹⁰⁶.

Пророки могли служить духовными писателями и провозвестниками будущих событий, которые были следствием отступлений от истинного богочитания. Усилия пророков сосредоточивались на провозвещении лучшего времени, когда пришествие Мессии сделает жизнь народа безмятежной. Склонность вмешиваться в общественную жизнь в наиболее важные отрезки еврейской истории просматривается в пророческих произведениях на протяжении всего повествовательного сюжета книг. Чтобы актуализировать сознание народа на отступлении от заповеданных отцами правил, пророки используют многочисленные средства, которые создавали резонанс во всех слоях древнего общества.

Такая обширная деятельность пророков, несмотря на все известные сложности в отношениях народа с Богом, связана в первую очередь с необходимостью приготовления ветхозаветного человечества к Пришествию Христа¹⁰⁷, предвозвещению, которое было главным в служении каждого из них.

В ветхозаветное время большей частью существовала устная традиция. По истечении определенного времени от появления устного текста будущей книги, естественные события, могущие привести к потере его, заставляли фиксировать его на письме. Эта работа проводилась в эпоху Разделенных царств и была прервана вавилонским пленением, а после духовного обновления и заселения вновь земли обетованной продолжена израильским народом с еще большей интенсивностью. Писцы-священники, трудившиеся над записью устных преданий, располагали их в соответствии с неким планом, не слишком заботясь о хронологии¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Морозова Ю. Г. Введение в текстологию Библии: теоретические аспекты изучения Ветхого и Нового Завета: уч. пос. Елец, 2009. С. 70.

¹⁰⁶ Вудвард Д. По страницам Священного Писания: в 4 т. СПб., 1994. Т. II. С. 101.

¹⁰⁷ Амфитеатров В., прот. Библейская история Ветхого и Нового Завета. М., 1875. С. 5.

¹⁰⁸ Антонини Б. Введение в Библию. М., б. г. С. 60–62.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

Увеличивающееся число устных сказаний об исторических событиях и пророческих предсказаниях делало все более сложным их запоминание и передачу будущим поколениям. В связи с этим появлялась необходимость фиксации устных текстов на письме. Возникшая письменность открыла широкие возможности для установления традиции записи важного по своей значимости для еврейского народа предания. Написание книг проводилось исключительно для внутриобщинного пользования и не предполагало необходимости употреблять их в миссионерской деятельности. Ветхозаветное предание касалось еврейской жизни, которая велась в Палестине, что не позволяет думать о выходе данных произведений за пределы общинной жизни. Евреи Египта и Месопотамии могли использовать общую «корзину» предания, но их жизнь имела менее регламентированный характер. Проживание в среде иноверцев делало невозможным следование правилам общин Иудеи. Отсутствие благоприятной среды для жизни, постепенные послабления в исполнении ритуальных и общественных предписаний сформировали группу евреев рассеяния, что означало собой собирательное понятие о многих еврейских общинах, живших вне пределов Древнего Израиля.

Современные ученые приходят к выводу, что ни одна из пророческих книг не имеет своего автора. Точнее, ни одна книга не написана тем пророком, имя которого носит. Книги были составлены после завершения жизни пророка определенными людьми или группой авторов, идентифицировать которых по сохранившимся источникам невозможно: «...часто пророческие книги содержат проповедь не только самих названных в надписаниях пророков, но их учеников и продолжателей»¹⁰⁹.

В связи с этим имеет место расхожее мнение о наличии у каждого пророка группы учеников, которые тщательно собирали все слова своего учителя и далее составили литературную композицию из изустно передаваемых его слов. Однако в свете современных исследований, представленных в фундаментальном труде Эриха Ценгера¹¹⁰, это выглядит маловероятным.

Дополнением к подтверждению мнения Э. Ценгера может служить одна из теорий, что отрицательная библейская критика, использующая рационалистический подход к тексту Писания, основана на неверии в возможность провидения события далекого будущего¹¹¹.

С другой стороны, доказано, что вокруг пророков собиралось значительное число учеников, которые объединялись в группы и под руководством

¹⁰⁹ Князев А., *прот.* Пророки. М., 2001. С. 21.

¹¹⁰ Введение в Ветхий Завет. М., 2008. С. 546–547.

¹¹¹ Скобелев М. А. Защита единства и подлинности книги пророка Исаии русскими библеистами XIX — начала XX в. // XX Ежегодн. богосл. конф. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. М., 2010. Т. 1. С. 142.

самих пророков изучали Писание, переписывали книги. Они требовали духовно-нравственного возрождения и, будучи вместе с этим бесстрашными обличителями неправды, составляли сборники, которые вошли в корпус профетической литературы, сформировавшийся с VIII по IV вв. до Р. Х.¹¹²

Каждая из 16 пророческих книг, представленных в каноническом списке Ветхого Завета, имеет надписание по имени пророка, которому приписывается ее авторство. Это может привести к мысли, что каждая книга была собственноручно написана пророком, после чего была оставлена в среде народа и, пройдя определенный период рецепции позднейшим составителем канона, была включена в его состав. Отчасти эта теория может найти свое подтверждение, но считать, что каждая книга принадлежит лишь словам пророка, кажется необоснованным.

В общем и целом каждая пророческая книга должна восприниматься как непосредственно слова пророка, зафиксированные неизвестным писцом или же собственноручно автором слов. Исходя из этого, можно догадываться, что пророческие книги в своей совокупности имеют совершенно разную историю и имеют различных авторов текста, редакторов и издателей, живших в непохожие одна на другую эпохи и занимавшиеся составлением сборников пророческих книг. «Среди этих писаний есть также истории о пророках, которые, вероятно, никогда не существовали как исторические личности...»¹¹³.

Изучая вопрос о происхождении пророческих книг и священных книг вообще, необходимо обратиться к наработкам современных ученых. Тема формирования священных книг тесно связана с оформлением самого канона. Канон книг состоит из многих непохожих между собой произведений, и только изучая историю каждого из них можно приблизиться к пониманию самой концепции собирания книг в единый сборник. Исследуя тему изучения канона, важно заявить, что в ней можно проследить тенденцию к единомыслию в водах как христианских, так и иудейских ученых.

Упорядочение пророческой письменности проводилось писцами-книжниками (соферами), которые собирали записанные речи пророков и размещали их в сборниках по авторам, если не существовало готовых книг речей пророка. В том случае, когда личность автора была недостаточно известна, его речи включались в книгу другого автора¹¹⁴. В такой ситуации можем предположить, что книжники проводили литературный анализ текста с целью определения его священного авторитета. Подобное могло проделываться только по-настоящему пользовавшимися в обществе авторитетом писцами.

¹¹² Хлебников Г. В. Библия // Культурология. Энциклопедия. М., 2007. Т. 1. С. 205.

¹¹³ Рор Р., Мартос Д. Великие темы Писания. Ветхий Завет. М., 2002. С. 26.

¹¹⁴ Дубнов С. М. История еврейского народа на Востоке. М., 2006. Т. I. С. 359–360.

Только опираясь на определенные внешние свидетельства, есть вероятность восстановить картину собирания пророческих книг в единый сборник с той или иной степенью объективности. Существуют многочисленные подтверждения, что библейские пророчества произносились устно, к чему, собственно, и побуждает сам пророческий жанр. Известно, что военная опасность ассирийского завоевания в VIII в. до Р. Х. вызывает появление первых письменных пророчеств. Вероятно, это случилось из желания сохранить пророчества о гибели Северного царства. Вся история существования пророческой письменности сообщает нам, что пророчество усиливалось во время существования военной опасности. Хотя деятельность пророков продолжалась и после Плена, позднее зафиксированные устные тексты пророчеств появились в период до возвращения из изгнания¹¹⁵.

В общем, большинство гипотез, несмотря на свою оригинальность, говорят о постепенном формировании канона. Задача создания особого вида письменности не ставилась, повествование об этом мы нигде не встретим в Ветхом Завете. Комментаторы тоже об этом не говорят. Остается думать, что появление первых книг вызвано естественными причинами развития письменности. К тому же существовала опасность потери текстов пророков или других текстов авторитетных в своей среде евреев, потому и начинают возникать книги, которых в дальнейшем станет настолько много, что кодификаторам придется выделять из них наиболее ценные, имеющие непререкаемое содержание.

Жанр пророчеств появляется на Ближнем Востоке за много столетий до выхода на проповедь библейских пророков. Пророчества были формой предсказаний, что было запрещено в Израиле, но разрешено на всей территории Древнего мира. В Древнем Израиле запрещалось обращение к чародеям, ворожеям, магам и всем тем, кто практиковал свои обряды на основе языческих мистерий. Деятельность библейских пророков была связана с верой в Единого Бога, Которого они исповедовали. Посредством таинственного Откровения Бога они призывались на открытое служение с целью вразумления и обращения народа на путь истинного богопоклонения. В виду имевшего место запрета на какие бы то ни было предсказания допустимо предположить, что во многом именно поэтому судьба пророков оказывалась столь трагичной. Например, пророчество Иереми о Божием Суде над народом и призыв покориться Навуходоносору, чтобы спастись, делало его непопулярным в глазах народа, а после и врагом, что обусловило его заключение в темницу и смерть¹¹⁶.

Пророки были не только истолкователями воли Божией для иудейского общества. Пророки выступают еще и предвозвестителями будущего искупи-

¹¹⁵ Современные исследования Библии. Екатеринбург, 1998. С. 103–104.

¹¹⁶ *Сморгунова Е. М.* Плач о потерянном Иерусалиме // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. научн. тр. Пермь, 2008. С. 222.

тельного подвига Сына Человеческого, о Котором предсказывается в каждой ветхозаветной книге. Богоизбранность народа заключается в том, что требовалось призвать евреев остаться верными вере в Единого Бога, Который должен явиться именно из среды еврейского народа. Избавление должно было произойти в первую очередь для самих евреев, которые стали богоизбранными по одному лишь факту избрания их Богом для особой миссии. Появление пророков в их среде было сугубо промыслительным событием, поскольку пришествие Мессии требовалось распознать, Христа нужно было принять. Последнее стало возможным лишь для имевших правильное представление о Боге.

В ветхозаветных книгах содержится бесчисленное множество пророчеств. Многие из них сбывались, что служило подтверждением истинности пророка и имевшего место промыслительного действия Божия в среде народа. Разорение Иерусалима, изгнание народа, многочисленные бедствия иудеев во все эпохи их ожидания Мессии говорили о сугубом участии Бога в судьбе народа, который посредством многих внешних лишений подводился к лучшей участи, чем могла его ожидать в случае продолжающихся беззаконий. Особое место занимают пророчества о Христе. Согласно древнехристианскому апологету Иустину Философу, пророчества о Христе становятся ясными только после их исполнения в жизни Христа. Из чего следует, что Христос есть истолкователь Ветхого Завета¹¹⁷ и в особенности же Тот, благодаря Которому пророчества исполняются и дают более ясное представление о приходе Мессии.

Многие древние цивилизации имели своих пророков, что видно из сохранившегося до наших дней литературного наследия Месопотамии, Ассирии и царских архивов города Мари (50 табличек с предсказаниями датируются началом II тысячелетия до Р. Х.). Древние ближневосточные пророчества отличаются внешне по форме от израильских только одним: на Ближнем Востоке никогда пророчества не были опубликованы и канонизированы, как это было в Древнем Израиле¹¹⁸.

Канонизация Писания

Корпус книг Писания (כְּתוּבֵי) являет собой третью, заключительную часть Ветхого Завета в его традиционном трехчастном делении. Корпус Писания представлен историческими и поучительными книгами. Именно так принято именовать их в православной традиции. В иудейской же традиции этот корпус книг состоит из 12 книг и «представляет собой упорядоченное собрание, в котором включенные в его состав различные сочинения образуют некую текстовую цельность»¹¹⁹.

¹¹⁷ Попов И. В. Патрология. Краткий курс. М., 2003. С. 52.

¹¹⁸ Библейский культурно-исторический комментарий. СПб., 2003. Ч. 1. С. 669–670.

¹¹⁹ Вейнберг Й. Введение в Танах. М., 2005. Ч. IV. С. 307.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

Вполне вероятно, что основанием для включения текста в кодекс книг Писания было множество общих деталей, которые говорят о создании всех произведений Писания в одной и той же общественно-политической и храмовой общинах. Второй общей чертой является письменная функция, заложенная во все произведения Писания уже в своем названии, — כְּתוּבִים. Можно лишь гадать, что желали этим названием показать составители: указать на особую сакральность письменного слова или же дать понимание меньшей сакральности Писания по сравнению с остальными, преимущественно устными разделами Танаха. К тому же корпус Писания, как никакой другой текст, лучше демонстрирует особую миссию своих текстов, размышляя об отношениях человека с Богом и людьми, о жизни и поведении человека, об истории и многих других сторонах человеческой жизни¹²⁰.

Ко времени, когда Ездрой был закончен свод текстов Пятикнижия и практически было завершено формирования кодекса Пророков, начинается создание кодекса Писаний. Это приходится на послевавилонское время, когда завершилось служение пророков и наступило время сугубого ожидания прихода Мессии. Литература кодекса Писания делится на малых пророков и литературу Премудрости. Последняя разительно отличалась от Торы и Пророков, потому что была создана мудрецами, издревле жившими на Востоке, и восходит к царю Соломону. Именно премудрый царь имел репутацию человека, наделенного особой проницательностью и знаниями, именно он, собственно, и является основателем жанра Премудрости¹²¹.

Поучительные книги еще называются литературой Премудрости и включают в себя Иова, Притчи, Екклесиаста, Псалтирь и Песнь Песней; неканонические — Премудрости Иисуса, сына Сирахова, и Премудрости Соломона. Данная литература создается придворными писцами, которые были по образованию переписчиками и одновременно с этим собирателями различных жизненных поучений, притч и мудрых изречений по управлению государством.

Относительно Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, существовало множество теорий, которые звучали от представителей высшей библейской критики, заявлявших об одновременном создании книги вместе со всеми остальными произведениями ветхозаветного канона. Эту теорию опровергла часть обнаруженного в 1896 г. Соломоном Шехтером свитка Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, датируемого XI в. по Р. Х. в Каирской генизе, которая в лингвистическом отношении указывала на происхождение ее текста между 250 г. до Р. Х. и 150 г. по Р. Х.¹²²

¹²⁰ Вейнберг Й. Введение в Танах. С. 304–306.

¹²¹ Армстронг К. Библия: Биография книги. М., 2008. С. 52–53.

¹²² Дойель Л. В. поисках Библии: Тайны древних манускриптов. СПб., 2014. С. 305–306.

Следовательно, если период с 250 г. до Р. Х. и 150 г. по Р. Х. был сплошным белым пятном, то допустимо предположить происхождение Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, в эти годы. Лингвистические особенности периода идентифицировать затруднительно ввиду отсутствия произведений, которые могли бы быть к нему отнесены.

Одними из самых последних книг, присоединенных к корпусу Писания, были книги Екклесиаст и Песни Песней. «Каноничность книг Екклесиаста и Песни Песней не была установлена до собора в Ямнии. Некоторые полагают, что канон Ветхого Завета не был еще завершен до этого времени. Собственно, дискуссия относительно этих книг продолжалась и после этой даты, вплоть до 200 года после Р. Хр.»¹²³.

Согласно другому мнению, третья часть канона окончательно собирается к 100 г. до Р. Х., но к некоторым из включенных в нее книг еще долго относились с недоверием. Даже до самой смерти апостола Павла происходили прения, следует ли причислять к канону книги Екклесиаст и Песнь Песней. В любом случае, ни одна из этих книг вплоть до христианской эры не пользовалась в иудаизме таким авторитетом, как книги Закона и Пророков¹²⁴.

В то же время существуют исследования, в которых, без возможности допустить альтернативную точку зрения, указывается время окончательного собрания канона: «...книги Старого Завета складывались с 18 в. до н. э. и получили письменное оформление в 7 в. до н. э.»¹²⁵. Другой аргументации, кроме утверждения автора или авторитетного подтверждения точности датировки формирования канона, эта теория не находит. Исследования, безусловно, не завершены и могут быть продолжены будущими поколениями ученых-библеистов.

Одним из объяснений, одинаково принимаемых христианами и иудеями относительно того, почему Пятикнижие и Пророки получили окончательную версию канона, а вокруг корпуса Писания возникли разногласия, может быть позднее закрытие иудейского канона. Иудейский канон окончательно установился во II–III вв. по Р. Х., из-за чего христианская община не унаследовала фиксированного канона и, как следствие, многие книги раздела Писания оставались спорными на протяжении последующих веков¹²⁶.

Время написания книг корпуса Премудрости идентифицировать с точностью невозможно, ибо в тексте не дается никаких намеков на их датировку. Но нужно понимать, что приблизительный «период времени, которым принято датировать те или иные тексты литературы Премудрости, простира-

¹²³ Тиссен Г. К. Лекции по систематическому богословию. СПб., 1994. С. 73.

¹²⁴ Сандерланд Д. Т. Библия: ее происхождение, развитие и отличительные свойства. М., 2015. С. 151.

¹²⁵ Прохоров С. М. Мир Библии: уч.-метод. пос. Коломна, 1999. С. 3.

¹²⁶ Иудейско-христианский диалог. Словарь-справочник. М., 2004. С. 24.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

ется от времен монархии (царствования Соломона) до послевоенной, даже эллинистической эпохи»¹²⁷. Таким образом, на протяжении периода в тысячу лет книги кодекса Писания могли создаваться, прежде чем приобрели свой завершенный вид и вошли в известный нам канон.

Очевидно, после изучения многих современных исследований невозможно прийти к заключению, которое бы с определенной долей точности проливалось свет на более-менее приблизительные временные рамки окончательного формирования канона. Среди исследований последнего столетия выводы ученых и просто исследователей существенно разнятся. Можно сказать, что дискуссия вокруг определения точного времени закрытия канона Ветхого Завета проходит с определенным интересом со стороны исследователей, но они сами еще далеки от выработки единого мнения.

Окончательное время закрытия канона датируется временным интервалом приблизительно в 500 лет, начиная от времени Ездры и заканчивая собором в Ямнии. Возможно, видя, что усилия установить точную дату оказываются не всегда успешными, следовало бы направить исследовательский потенциал лучших библеистов к формированию канонического (общепринятого в исследовательских кругах) мнения о времени окончательного формирования канона. Это сделает возможным подвести черту в истории изучения данной темы, выводы из которой в своем большинстве сформированы лишь на основании частных мнений ученых-одиночек. А главное, это будет весьма символично, в виду того связанного с интересом к истории канона исторического логического движения, которое зародилось еще в эпоху неизвестных нам первых кодификаторов ветхозаветных книг.

Есть мнение, что процесс закрытия канона был инициирован раввинами. Бурные потрясения 66–73 гг. в иудаизме вынудили евреев проявить заботу о кодификации священных писаний. Консервативные настроения и боязнь утраты части писаний оказали свое влияние, что вылилось в начало длительного этапа четкой фиксации строго очерченных границ канона. Они выдвигали несколько критериев каноничности. Одним из важных показателей истинности книги было написание в ней имени Божьего, произносить которое было нельзя, а записывать разрешалось лишь на предметах, имеющих сакральное значение. Также внимание уделялось дате написания: в канон включались книги, написанные до 453 г. до Р. Х. Местом написания книги должна быть Палестина, а язык текста — исключительно иврит. Вероятно, немаловажным было содержание книги, которое должно было соответствовать надеждам и чаяниям иудаизма того времени. Было немаловажно, чтобы богословское содержание подтверждало стремление к созданию идеального Израиля. Насколько подобная гипоте-

¹²⁷ Сорокин А., *прот.* Введение в Священное Писание Ветхого Завета: курс лекций. СПб., 2002. С. 306.

за имела место и получила отражение в самом факте канонизации «правильных книг» и отторжении других, требует дополнительного исследования¹²⁸.

Христианская Церковь целиком приняла ветхозаветный канон от иудейской синагоги: доказательство этому — идентичный канон книг с отчасти неодинаковой их последовательностью, что не может служить опровержением целостности и сходства канона Ветхого Завета как у иудеев, так и у христиан.

В составлении канона могли участвовать Ездра и пророки Аггей, Захария, Малахия. Их стараниями, вероятно, в канон были включены только богодухновенные книги. После Иудейской войны и очередного рассеяния еврейского народа иудейские богословы подтвердили состав канона на соборе в Ямнии. Таким образом, Церковь целиком приняла канон от израильского народа¹²⁹.

Интересной представляется теория, рассказывающая о причине включения в заключительную часть таких книг, как Руфь, Песнь Песней, Екклесиаст, Плач Иеремии, Есфирь. Согласно имеющейся в распоряжении исследователей версии, эти книги заняли место в каноне благодаря их употреблению во время иудейских религиозных церемоний в некоторые праздники. Так, Руфь читается на Пятидесятницу; Песнь Песней используется во время празднования иудейской Пасхи; Екклесиаст имеет отношение к скинии; Плач Иеремии читается в день разрушения Иерусалима; Книга Есфирь читается, когда отмечается Пурим: все эти книги — исторические, и именно этим объясняется их использование во время указанных праздников. Кроме того, книги Ездры, Неемии и Паралипоменон находятся в еврейском каноне последними, так как постепенно формирование еврейской Библии — от кодекса Торы и до Писания, что делает их завершающими Библию исходя из хронологических рамок их появления. Говоря об этих книгах как о находящихся бок о бок с пророческими книгами, необходимо учитывать более позднее их появление, из-за чего они отделяются от более ранних пророков. Книги Царств и Паралипоменон содержат множество параллельных повествований, что можно объяснить переосмыслением отдельных рассказов, содержащихся в этих книгах и помещенными в них, последующими поколениями, которые составляли их. Когда Тора и Пророки были широко приняты ветхозаветной общественностью, стало возможно прибавить к их числу книги корпуса Писаний¹³⁰.

Заключение

Современные теории формирования ветхозаветного канона открывают множество новых направлений для изучения процесса составления кодекса вет-

¹²⁸ Сомов А. Б. Канон книг Ветхого Завета: история, проблемы и перспективы исследования // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2011. № 4 (4). С. 31–32.

¹²⁹ Мицкевич В. А. Библиология. СПб., 1997. С. 20.

¹³⁰ Drane J. *Introducing the Old Testament*. Oxford, 1989. P. 29–30.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

хозаветной письменности. В ходе работы удалось собрать воедино множество существующих мнений различных исследователей, которые высказывались об особенностях формирования канона Ветхого Завета. В настоящем исследовании приведены мнения ученых — библеистов, литературоведов, специалистов в области древневосточной литературы, иудейских богословов, внеконфессиональных исследователей, которые занимались изучением Священного Писания. Многие авторы на страницах своих книг противоречат один другому, благодаря чему создается богатая палитра мнений, не способствующая формированию завершенной «канонической» теории, предлагающей окончательные выводы о времени создания канона, но в то же время имеет важное информативное и исследовательское значение. Задачей предпринятой работы было собрать воедино все доступные теории с целью их анализа с позиций православного вероучения.

Литература

1. Авдиев В. И. Еврейские цари и первосвященники: жизнь, быт и нравы. М., 2007.
2. Авдышев А. Д. Сравнительный анализ древних и современных переводов книги пророка Даниила 7:9–10, 13–14, 22 // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7, № 1. С. 346–357.
3. Акимов В. В. Проблемы перевода и толкования Еккл. 1:2 // Скрижали. 2022. № 22. С. 66–120.
4. Александрова А. Священная история Ветхого Завета. СПб., 1864.
5. Амфитеатров В., прот. Библейская история Ветхого и Нового Завета. М., 1875.
6. Антонини Б. Введение в Библию. М., Б. г.
7. Армстронг К. Библия: Биография книги. М., 2008.
8. Астафьев Н. Пособие к разумному чтению Библии. М., 1899.
9. Бабанин В. П. Код Ветхого Завета. М., СПб., 2006.
10. Библейские исследования: сборник статей / сост. проф. Б. Шварц. М., 1997.
11. Библейские сказания. М., 2001.
12. Библейский культурно-исторический комментарий: в 2 ч. СПб., 2003. Ч. 1.
13. Бийон Ж., Грюзон Ф. Как читать Ветхий Завет: Первый Завет: анализ текстов. Гатчина, 2010.
14. Бло Ж. Моисей наш современник. СПб., 2001.
15. Богословский М. Священная история Ветхого Завета. М., 1885.
16. Большой путеводитель по Библии. М., 1993.
17. Буйе Л. О Библии и Евангелии. Брюссель, 1988.
18. Бьюэс Р. 100 важнейших вопросов. СПб., 2005.
19. Вандеркам Д. Введение в ранний иудаизм. М., 2009.
20. Василиадис Н. Библия и археология. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2006.

21. Введение в Ветхий Завет / *под ред. Э. Ценгера*. М., 2008.
22. *Вевюрко И. С.* Диалектика истории институтов власти в Ветхом Завете // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2013. № 3. С. 94–109.
23. *Вевюрко И. С.* Из истории чтения Библии: догерменевтическое восприятие священного текста // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 10, № 1. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovgr_e-ast10-1.2015.41
24. *Вейнберг И. П.* Введение в Танах: Пространство и время Танаха. М., 2000. Ч. 1.
25. *Вейнберг И. П.* Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. М., 1993.
26. *Венедикт (Князев), архим.* Библейская история. СПб., 2011.
27. *Виноградов М. В.* Изучение Пятикнижия и новая гипотеза дополнений Джона ван Сетерса // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 33. С. 11–38. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-33-11-38
28. *Волков А. Б.* Ветхозаветные пророки. М., 2005.
29. *Воропаева К. Л.* «Священные книги» и кто их написал. Л., 1959.
30. Время и Библия: сборник статей. Челябинск, 1978.
31. *Вудвард Д.* По страницам Священного Писания: в 4 т. СПб., 1994. Т. II.
32. *Галибиати Э.* Трудные страницы Библии: (Ветхий Завет). М., 1995.
33. *Гейслер Н.* Ответы критикам Библии. СПб., 2007.
34. *Геллей Г. Г.* Краткий библейский толкователь. Торонто, 1984.
35. *Гусейнов А. А.* Десятисловие Моисея: канон справедливости // Философия права Пятикнижия. М., 2012. С. 47–69.
36. *Давыдов И. П.* Документальная гипотеза // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 299–301.
37. *Делич Ф.* Библия и Вавилон. М., 2014.
38. *Десницкий А.* Введение в библейскую экзегетику. М., 2013.
39. *Добыкин Д. Г.* Введение в Ветхий Завет: курс лекций. СПб., 2014.
40. *Дойель Л.* В поисках Библии: Тайны древних манускриптов. СПб., 2014.
41. *Долгов В. Б.* Проблема Пятикнижия в модернистской теологии Альфреда Луази // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, № 4. С. 13–21.
42. *Дрейн Д.* Путеводитель по Ветхому Завету. М., 2007.
43. *Дрэйндж Дж.* Понимание Библии: Библейская критика // Библейская энциклопедия / Российское библейское общество. Б. м., 1995. С. 110–112.
44. *Дубнов С. М.* История еврейского народа на Востоке. М., 2006. Т. I.
45. *Ельяшевич С.* Два завета: этюды и материалы по истории религии Ветхого и Нового Заветов. М., 1912.
46. Закон: значение закона Ветхого Завета // Словарь библейского богословия / *под ред. Ксавье Леон-Дюфура и др.* Bruxelles, 1990. Кол. 371–372.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

47. Иудейско-христианский диалог. Словарь-справочник. М., 2004.
48. Карпов М. М. Развенчание Библии. Ростов-на-Дону, 2003.
49. Карташев А. В. Ветхозаветная библейская критика. Париж, 1947.
50. Князев А., прот. Пророки. М., 2001.
51. Коварский А. Л. Герои Ветхого Завета. М., 2001.
52. Компаниец Э. Н. Ветхий Завет как механизм формирования древнееврейской культуры (концепция творения и идея единства в фактах Ветхого Завета) // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2009. № 2 (16). С. 99–106.
53. Косидовский З. Библейские сказания. СПб., 2005.
54. Крутова М. С. Библейские переводы текстов Священного Писания в России: важнейшие списки и типы // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7, № 1. С. 236–281.
55. Лившиц Г. М. Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск, 1970.
56. Ляшевский С., прот. Опыт согласования современных научных данных с библейским повествованием в свете новейших археологических раскопок и исследований. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994.
57. Малахова Л. Д. Библия: история и современность: учебное пособие. СПб., 1999.
58. Мень А., прот. Исагогика. М., 2000.
59. Минаков Е. В. Реконструкция истории израильского народа отрицательной библейской критикой (теория Графа — Велльгаузена и ее варианты) в свете современных археологических исследований Палестины: курсовое сочинение. СПб.: СПбДА, 2007 (неопубл.).
60. Мисецкий Е. В. Древний Египет и Израиль: века соседства // Культура и цивилизация. 2014. № 6. С. 31–41.
61. Мисецкий Е. В. Египет и становление теологии Ветхого Завета // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 6. С. 77–93.
62. Мицкевич В. А. Библиология. СПб., 1997. Т. 1–2.
63. Морозова Ю. Г. Введение в текстологию Библии: теоретические аспекты изучения Ветхого и Нового Завета: учебное пособие. Елец, 2009.
64. Нефедов М. Сходства и различия между книгой завета (Исх 21–23) и законами Хаммурапи // Материалы IV Студенческой научно-богословской конференции Санкт-Петербургской православной духовной академии: сборник докладов. СПб., 2012. С. 70–81.
65. Новый библейский комментарий: в 3 ч. Ветхий Завет. Книга Бытие — Книга Иова / пер. с англ. СПб., 2000. Ч. 1.
66. Новый библейский словарь: в 2 ч. Библейские реалии / пер. с англ. СПб., 2001. Ч. 2.
67. Нудельман Р. Загадки, тайны и коды Библии. Ростов-на-Дону, 2007.
68. Нудельман Р. Прогулки с Библией. М., 2014.
69. Овсиенко Ф. Г. Библия // Энциклопедия религий. М., 2008. С. 165–167.
70. Овчинников А. И. Правовые и нравственные нормы Ветхого Завета // Философия права. 2015. № 2 (69). С. 12–15.

71. Павловский А. Популярный библейский словарь. М., 1994.
72. Пиков Г. Г. Magister dixit. О Моисее Иосифовиче Рижском и некоторых проблемах библеистики: монография. Новосибирск, 2011.
73. Попов И. В. Патрология. Краткий курс. М., 2003.
74. Прокопенко А. Бытие: Комментарий. СПб., 2012.
75. Прохоров С. М. Мир Библии: учебно-методическое пособие. Коломна, 1999.
76. Рижский М. И. Библейские пророки и библейские пророчества. М., 1987.
77. Ристо С. Мессия в Ветхом Завете в свете раввинистических писаний. СПб., 1995.
78. Рор Р., Мартос Д. Великие темы Писания. Ветхий Завет. М., 2002.
79. Рофэ А. Повествования о пророках. Иерусалим, 1997.
80. Рут В. Евреи и власть. М., 2009.
81. Сандерланд Д. Т. Библия: Ее происхождение, развитие и отличительные свойства. М., 2015.
82. Сафронов В. А., Николаева Н. А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М., 2003. 424 с.
83. Селезнев М. Г. Еврейский текст Библии и Септуагинта: два оригинала, два перевода? // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. М., 2008. Т. 1. С. 56–61.
84. Селезнев М. Г. Русская Библия: между Масоретским текстом и Септуагинтой // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2011. № 4 (4). С. 36–54.
85. Сидоренко Н. И. Основания науки в Ветхом Завете // Известия Московского государственного индустриального университета. 2007. № 3 (8). С. 16–22.
86. Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). М., 2008.
87. Скворцов И. Краткое начертание истории Церкви ветхозаветной. Киев, 1854.
88. Скобелев М. А. Защита единства и подлинности книги пророка Исаяи русскими библеистами XIX — начала XX в. // XX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. М., 2010. Т. 1. С. 134–142.
89. Смит Д. Исторические книги Ветхого Завета. М.; Нижний Новгород, 2012.
90. Сморгунова Е. М. Плач о потерянном Иерусалиме // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Е. А. Баженовой. Пермь, 2008. С. 221–231.
91. Снигирев Р., прот. Священное Писание Ветхого Завета: учебное пособие. Саратов, 2006. Вып. 1: Введение в изучение Священного Писания Ветхого Завета.
92. Современные исследования Библии. Екатеринбург, 1998.
93. Соколов А. П. Книга пророка Софонии / пер. с древнеевр. // Скрижали. 2021. № 21. С. 8–17.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

94. Сомов А. Б. Канон книг Ветхого завета: история, проблемы и перспективы исследования // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2011. № 4 (4). С. 9–35.
95. Сорокин А., *прот.* Введение в Священное Писание Ветхого Завета: курс лекций. СПб., 2002.
96. Стогов И. Так говорит Йхвэ: Карманный путеводитель по Ветхому Завету. М.; СПб., 2003.
97. Стюард Д. Экзегетика Ветхого Завета. СПб., 2003.
98. Тиссен Г. К. Лекции по систематическому богословию. СПб., 1994.
99. Тихомиров Б. А. Решения по канону Ветхого Завета в русском академическом православном богословии XIX века // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2020. № 2 (6). С. 140–154.
100. Тихомиров Б. А. Состав и канон Священного Писания Ветхого Завета в основных христианских конфессиях. М., 2022.
101. Тихомиров Б. А. Формирование представлений о каноне Ветхого Завета в русском Православии // Церковь и время. 2015. № 2 (71). С. 149–192.
102. Тов Э. Текстология Ветхого Завета. М., 2001.
103. Томпсон А. Библия без цензуры: Ключ к самым загадочным текстам Ветхого Завета. М., 2010.
104. Федосеев Д. А. Авторитетность перевода LXX в свете его богодухновенности согласно Посланию Аристее к Филократу // Христианство на Ближнем Востоке. 2018. № 4. С. 74–88.
105. Фи Г., Стюарт Д. Как читать Библию и видеть всю ее ценность. СПб., 2009.
106. Фридман И. А. Критика документальной гипотезы происхождения Пятикнижия со стороны Умберто Кассуто. Часть 2 // Богословский вестник. 2021. № 4 (43). С. 18–35.
107. Фридман Р. Как создавалась Библия. М., 2011.
108. Хангиреев И. А. Документальная гипотеза происхождения Пятикнижия в трудах Эрхарда Блюма // Богословский вестник. 2021. № 3 (42). С. 17–36. DOI: 10.31802/GB.2021.3.41.001
109. Хлебников Г. В. Библия // Культурология. Энциклопедия. М., 2007. Т. 1. С. 200–217.
110. Цывкин В. Иерусалим и евреи: в древности и ныне — 3000 лет. Иерусалим, 2000.
111. Шифман И. Ш. Учение. Пятикнижие Моисеево. Введение в комментарии. М., 1993.
112. Щедровицкий Д. В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2001.
113. Эйделькин Я. Библия. Литературоведческие и лингвистические исследования. М., 1998.
114. Эрман Б. Великий обман: Научный взгляд на авторство священных текстов. М., 2013. 448 с.
115. Barton J. Text in Context: Essays by Members of the Society for Old Testament Study. Oxford, 2000.

Е. В. Паламаренко

116. *Benjamin D. Sommer* // One Scripture or Many?: Canon from Biblical, Theological, and Philosophical Perspectives. Oxford, 2004.
117. *Drane J.* Introducing the Old Testament. Oxford; Sutherland, 1989.
118. *Gunn D. M.* Narrative in the Hebrew Bible. Oxford, 1993.
119. *Schmidt W. H.* Old Testament Introduction. New York; Berlin; Louisville, 1999.
120. *Tongue S.* Between Biblical Criticism and Poetic Rewriting: Interpretative Struggles over Genesis 32:22-32. Leiden; Boston, 2014.
121. *Vorster W. S.* Readings, Readers and the Succession Narrative. An Essay on Reception // Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. 1989. Vol. 98, no. 3. P. 351–362.

Evgenii V. Palamarenko

ON THE ISSUE OF MODERN THEORIES OF THE FORMATION OF THE OLD TESTAMENT CANON

Abstract. The study of modern theories of the formation of the Old Testament canon involves a review of existing theories and hypotheses that shed light on the complex and multi-stage process of forming a single holistic collection of books. The purpose of the article is to review the researchers' hypotheses about the place, time, authorship, edition, compilation and publication of the sacred Old Testament books. The question of the process of formation of the Old Testament canon in the ancient Israelite environment and the criteria of canonicity used at the time of giving the sacred books a certain status remains debatable. The liberal approach has become widespread in modern biblical studies, which requires the formation of a correct attitude towards it on the part of biblical theological science. Sometimes the conclusions of researchers are unexpected for the consciousness of a person who lives by the tradition of the Church and has passed the stage of reception of the tradition contained in it and the attitude to the sacred Old Testament books. On the basis of the numerous modern theories that have appeared, seeking to explain the process of the formation of the canon and the authorship of its books, there is a need to analyze existing theories and form a correct attitude towards them from the side of the Orthodox dogma. The relevance of the research topic is due to the attention that has been paid to the process of collecting the entire corpus of Old Testament books. With the emergence of biblical criticism as a scientific discipline, a variety of theories have emerged that represent the process of collecting biblical books together in various ways. The diversity of opinions in research circles requires forming Orthodox theological assessment of such a phenomenon in the history of the Old and New Testament Churches as the period of collecting the Old Testament books and fixing them in a single code.

Keywords: *Old Testament, Pentateuch, Bible, biblical criticism, textual criticism, Orthodoxy, Christianity, Judaism*

For citation: Palamarenko E. V. K voprosu o sovremennykh teoriakh formirovaniia vetkhovavetnogo kanona [On the Issue of Modern Theories of the Formation of the Old Testa-

ment Canon]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2023, no. 42, pp. 11–73. DOI: 10.24412/2224-5391-2023-42-11-73

About the author: Palamarenko Evgenii Viktorovich — PhD (Theology), Associate Professor of the Department of Theology, Faculty of Social and Humanitarian Technologies at the Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky (First Cossack University), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2889-9439> (Russia, Moscow). E-mail: palamarenko.2012@mail.ru

Submitted on 27 February, 2023

Accepted on 05 May, 2023

References

1. Akimov V. V. Problemy perevoda i tolkovaniia Ekk1 1:2 [Problems of Translation and Interpretation of Eccl. 1:2]. *Skrizhali — The Tablets*, 2022, no. 22, pp. 66–120.
2. Aleksandrova A. *Sviashchennaia istoriia Vetkhogo Zaveta* [Sacred History of the Old Testament]. Saint Petersburg, 1864.
3. Amfiteatrov V., prot. *Bibileiskaia istoriia Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Biblical History of the Old and New Testaments]. Moscow, 1875.
4. Antonini B. *Vvedenie v Bibliiu* [Introduction to the Bible]. Moscow.
5. Armstrong K. *Bibliia: Biografiia knigi* [The Bible: The Biography]. Moscow, 2008.
6. Astafiev N. *Posobie k razumnomu chteniiu Biblii* [A Guide to Intelligent Reading of the Bible]. Moscow, 1899.
7. Avdiev V. I. *Evreiskie tsari i pervosviashchenniki: zhizn', byt i nrawy* [Jewish Kings and High Priests: Life, Way of Life and Customs]. Moscow, 2007.
8. Avdyshev A. D. Sravnitel'nyi analiz drevnikh i sovremennykh perevodov knigi proroka Daniila 7:9–10, 13–14, 22 [Comparative Analysis of Ancient and Modern Translations of Daniel 7:9–10, 13–14, 22]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke — Christianity in the Middle East*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 346–357.
9. Babanin V. P. *Kod Vetkhogo Zaveta* [Code of the Old Testament]. Moscow; Saint Petersburg, 2006.
10. Barton J. *Text in Context: Essays by Members of the Society for Old Testament Study*. Oxford, 2000.
11. Benjamin D. Sommer. *One Scripture or Many?: Canon from Biblical, Theological, and Philosophical Perspectives*. Oxford, 2004.
12. Bewes R. *100 vazhneishikh voprosov* [The Top 100 Questions]. Saint Petersburg, 2005.
13. *Bibleiskie skazaniia* [Bible Stories]. Moscow, 2001.
14. *Bibleiskii kul'turno-istoricheskii kommentarii* [Biblical Cultural and Historical Commentary]. Saint Petersburg, 2003, vol. 1.
15. Billon G., Gruson Ph. *Kak chitat' Vetkhii Zavet: Pervyi Zavet: analiz tekstov* [How to Read the Old Testament: First Testament: Analysis of Texts]. Gatchina, 2010.

16. Blot J. *Moisei nash sovremennik* [Moses Is Our Contemporary]. Saint Petersburg, 2001.
17. Bogoslovskii M. *Sviashchennaia istoriia Vetkhogo Zaveta* [Sacred History of the Old Testament]. Moscow, 1885.
18. *Bol'shoi putevoditel' po Biblii* [The Great Guide to the Bible]. Moscow, 1993.
19. Bouyer L. *O Biblii i Evangelii* [About the Bible and the Gospel]. Brussels, 1988.
20. Davydov I. P. Dokumental'naia gipoteza [Documentary Hypothesis]. *Religiovedenie. Entsiklopedicheskii slovar'* [Religious Studies. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2006, pp. 299–301.
21. Delich F. *Bibliia i Vavilon* [The Bible and Babylon]. Moscow, 2014.
22. Desnitsky A. *Vvedenie v bibleiskuiu ekzegetiku* [Introduction to Biblical Exegesis]. Moscow, 2013.
23. Dobykin D. G. *Vvedenie v Vetkhii Zavet: kurs lektsii* [Introduction to the Old Testament: A Course of Lectures]. Saint Petersburg, 2014.
24. Dolgov V. B. Problema Piatiknizhiia v modernistskoi teologii Al'freda Luazi [The Problem of the Pentateuch in the Modernist Theology of Alfred Loisy]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii — Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 2012, vol. 13, no. 4, pp. 13–21.
25. Doyel L. *V poiskakh Biblii: Tainy drevnikh manuskriptov* [In Search of the Bible: Secrets of Ancient Manuscripts]. Saint Petersburg, 2014.
26. Drane J. *Introducing the Old Testament*. Oxford; Sutherland, 1989.
27. Drane J. Ponimanie Biblii: Bibleiskaia kritika [Understanding the Bible: Biblical Criticism]. *Bibleiskaia entsiklopediia* [Bible Encyclopedia]. S. l., 1995, pp. 85–112.
28. Drane J. *Putevoditel' po Vetkhomu Zavetu* [Guide to the Old Testament]. Moscow, 2007.
29. Dubnov S. M. *Istoriia evreiskogo naroda na Vostoke* [The History of the Jewish People in the East]. Moscow, 2006, vol. 1.
30. Eidelkind Ya. *Literaturovedcheskie i lingvisticheskie issledovaniia* [Bible. Literary and Linguistic Studies]. Moscow, 1998.
31. Elyashevich S. *Dva zaveta: etiuudy i materialy po istorii religii Vetkhogo i Novogo Zavetov* [Two Testaments: Studies and Materials on the History of Religion in the Old and New Testaments]. Moscow, 1912.
32. Erman B. *Velikii obman: Nauchnyi vzgliad na avtorstvo sviashchennykh tekstov* [The Great Deception: A Scientific Perspective on the Authorship of Sacred Texts]. Moscow, 2013.
33. Fedoseev D. A. Avtoritetnost' perevoda LXX v svete ego bogodukhnovennosti soglasno Poslaniuu Aristeia k Filokratu [The Authority of the LXX in Aspect of Its Divine Revelation According to the Letter of Aristeas]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke — Christianity in the Middle East*, 2018, no. 4, pp. 74–88.
34. Fee G., Stuart D. *Kak chitat' Bibliiu i videt' vsiu ee tsennost'* [How to Read the Bible for All Its Worth]. Saint Petersburg, 2009.
35. Friedman I. A. Kritika dokumental'noi gipotezy proiskhozhdeniia Piatiknizhiia so storony Umberto Kassuto. Chast' 2 [Criticism of the Documentary Hypothesis of the Origin of

- the Pentateuch from Umberto Cassuto. Part 2]. *Bogoslovskii vestnik — Theological Herald*, 2021, no. 4 (43), pp. 18–35.
36. Friedman R. *Kak sozdavalas' Bibliia* [Who Wrote the Bible?]. Moscow, 2011.
37. Galibiati E. *Trudnye stranitsy Biblii: (Vetkhii Zavet)* [Difficult Pages of the Bible: (Old Testament)]. Moscow, 1995.
38. Geisler N. *Otvety kritikam Biblii* [When Critics Ask: A Handbook on Bible Difficulties]. Saint Petersburg, 2007.
39. Gelley G. G. *Kratkii bibleiskii tolkovatel'* [Brief Biblical Interpreter]. Toronto, 1984.
40. Gunn D. M. *Narrative in the Hebrew Bible*. Oxford, 1993.
41. Guseinov A. A. Desiat'slovie Moiseia: kanon spravedlivosti [The Decalogue of Moses: The Canon of Justice]. *Filosofia prava Piatiknizhiiia* [Philosophy of Law of the Pentateuch]. Moscow, 2012.
42. *Iudeisko-khristianskii dialog. Slovar'-spravochnik* [A Dictionary of the Jewish-Christian Dialogue. Reference Book]. Moscow, 2004.
43. Karpov M. M. *Razvenchanie Biblii* [Debunking the Bible]. Rostov-on-Don, 2003.
44. Kartashev A. V. *Vetkhovetnaia bibleiskaia kritika* [Old Testament Biblical Criticism]. Paris, 1947.
45. Khangireev I. A. Dokumental'naia gipoteza proiskhozhdeniia Piatiknizhiiia v trudakh Erkharda Bliuma [Documentary Hypothesis of the Origin of the Pentateuch in the Works of Erhard Blum]. *Bogoslovskii vestnik — Theological Herald*, 2021, no. 3 (42), pp. 17–36. DOI: 10.31802/GB.2021.3.41.001
46. Khlebnikov G. V. Bibliia [The Bible]. *Kul'turologiia. Entsiklopediia* [Culturology. Encyclopedia]. Moscow, 2007, vol. 1, pp. 200–217.
47. Knyazev A., prot. *Proroki* [Prophets]. Moscow, 2001.
48. Kompaniets E. N. *Vetkhii Zavet kak mekhanizm formirovaniia drevneevreiskoi kul'tury (kontsepsiia tvoreniia i ideia edinstva v faktakh Vetkhogo Zaveta)* [Old Testament as a Mechanism for the Formation of Hebrew Culture (Concept of Creation and the Idea of Unity in the Facts of the Old Testament)]. *Sotsial'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriia i praktika — Socio-Economic Management: Theory and Practice*, 2009, no. 2 (16), pp. 99–106.
49. Kosidovskii Z. *Bibleiskie skazaniia* [Biblical Legends]. Saint Petersburg, 2005.
50. Kovarsky A. L. *Geroi Vetkhogo Zaveta* [Heroes of the Old Testament]. Moscow, 2001.
51. Krutova M. S. *Bibleiskiie perevody tekstov Sviashchennogo Pisaniia v Rossii: vazhneishiie spiski i tipy* [Biblical Translations of Texts the Holy Scriptures in Russia: The Most Important Lists and Types]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke — Christianity in the Middle East*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 236–281.
52. Liashevsky S., prot. *Opyt soglasovaniia sovremennykh nauchnykh dannykh s bibleiskim povestvovaniem v svete noveishikh arkheologicheskikh raskopok i issledovanii* [Experience in Harmonizing Modern Scientific Data with the Biblical Narrative in the Light of the Latest Archaeological Excavations and Research]. Edition of the Holy Dormition Pskov-Caves Monastery, 1994.

53. Livshits G. M. *Ocherki istoriografii Biblii i rannego khristianstva* [Essays on Bible and Early Christianity Historiography]. Minsk, 1970.
54. Malakhova L. D. *Bibliia: istoriia i sovremennost': uchebnoe posobie* [The Bible: History and Modernity: A Handbook]. Saint Petersburg, 1999.
55. Men' A., prot. *Isagogika* [Isagogy]. Moscow, 2000.
56. Minakov E. V. *Rekonstruktsiia istorii izrail'skogo naroda otritsatel'noi bibleiskoi kritikai (teoriia Grafa — Vell'gauzena i ee varianty) v svete sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniy Palestiny* [Reconstruction of the History of the Israeli People by Negative Biblical Criticism (the Graf-Wellhausen Theory and Its Variants) in the Light of Modern Archaeological Research in Palestine: Coursework]. Saint Petersburg, 2007 (Unpublished).
57. Misetskii E. V. *Drevnii Egipet i Izrail': veka sosedstva* [Ancient Egypt and Israel: The Centuries of Neighborhood]. *Kul'tura i tsivilizatsiia — Culture and Civilization*, 2014, no. 6, pp. 31–41.
58. Misetskii E. V. *Egipet i stanovlenie teologii Vetkhogo Zaveta* [Egypt and the Formation of the Theology of the Old Testament]. *Kontekst i refleksii: filosofii o mire i cheloveke — Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 2014, no. 6, pp. 77–93.
59. Mitskevich V. A. *Bibliologiya* [Bibliology]. Saint Petersburg, 1997, vol. 1–2.
60. Morozova Yu. G. *Vvedenie v tekstologiiu Biblii: teoreticheskie aspekty izucheniia Vetkhogo i Novogo Zaveta: uchebnoe posobie* [Introduction to the Bible Textology: Theoretical Aspects of the Study of the Old and New Testaments: A handbook]. Yelets, 2009.
61. Nefedov M. *Skhodstva i razlichii mezhdu knigoi zaveta (Iskh 21–23) i zakonami Khammurapi* [Similarities and Differences Between the Book of the Covenant (Ex 21–23) and the Laws of Hammurabi]. *Materialy IV Studencheskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii Sankt-Peterburgskoi pravoslavnoi dukhovnoi akademii. Sbornik dokladov* [Proceedings of the IV Student Scientific and Theological Conference of the St. Petersburg Orthodox Theological Academy. Collection of reports]. Saint Petersburg, 2012, pp. 70–81.
62. *Novyi Bibleiskii kommentarii: v 3 ch. Vetkhii Zavet. Kniga Bytie — Kniga Iova* [New Biblical Commentary: In 3 parts. Old Testament. Book of Genesis — Book of Job]. Saint Petersburg, 2000, vol. 1.
63. *Novyi bibleiskii slovar'. Bibleiskie realii* [New Bible Dictionary. Biblical Realities]. Saint Petersburg, 2001, vol. 2.
64. Nudelman R. *Progulki s Bibliiei* [Walking with the Bible]. Moscow, 2014.
65. Nudelman R. *Zagadki, tainy i kody Biblii* [Mysteries, Secrets and Codes of the Bible]. Rostov on Don, 2007.
66. Ovchinnikov A. I. *Pravovye i npravstvennye normy Vetkhogo Zaveta* [Legal and Moral Norms of the Old Testament]. *Filosofia prava — Philosophy of Law*, 2015, no. 2 (69), pp. 12–15.
67. Ovsienko F. G. *Bibliia* [The Bible]. *Entsiklopediia religii* [Encyclopedia of Religions]. Moscow, 2008, pp. 165–167.
68. Pavlovsky A. *Populiarnyi bibleiskii slovar'* [Popular Bible Dictionary]. Moscow, 1994.
69. Pikov G. G. *Magister dixit. O Moisee Iosifoviche Rizhskom i nekotorykh problemakh bibleistiki: monografiia* [Magister dixit. About Moses Iosifovich Rizhsky and Some Problems of Biblical Studies: A monograph]. Novosibirsk, 2011.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

70. Popov I. V. *Patrologiia. Kratkii kurs* [Patrology. A Short Course]. Moscow, 2003.
71. Prokhorov S. M. *Mir Biblii: uchebno-metodicheskoe posobie* [World of the Bible. Teaching aid]. Kolomna, 1999.
72. Prokopenko A. *Bytie: Kommentarii* [Genesis: Commentaries]. Saint Petersburg, 2012.
73. Risto S. *Messiia v Vetkhom Zavete v svete ravvinisticheskikh pisanii* [The Messiah in the Old Testament in the Light of Rabbinic Writings]. Saint Petersburg, 1995.
74. Rizhskii M. I. *Bibleiskie proroki i bibleiskie prorochestva* [Biblical Prophets and Biblical Prophecies]. Moscow, 1987.
75. Rofe A. *Povestvovaniia o prorokakh* [Narratives About the Prophets]. Jerusalem, 1997.
76. Rohr R., Martos D. *Velikie temy Pisaniia. Vetkhii Zavet* [Great Themes of Scripture. Old Testament]. Moscow, 2002.
77. Ruth V. *Evrei i vlast'* [Jews and Power]. Moscow, 2009.
78. Safronov V. A., Nikolaeva N. A. *Istoriia Drevnego Vostoka v Vetkhom Zavete* [History of the Ancient Near East in the Old Testament]. Moscow, 2003.
79. Schmidt W. H. *Old Testament Introduction*. New York; Berlin; Louisville, 1999.
80. Schwartz B. (ed.). *Bibleiskie issledovaniia: sbornik statei* [Biblical Studies: Collection of articles]. Moscow, 1997.
81. Seleznev M. G. *Evreiskii tekst Biblii i Septuaginta: dva originala, dva perevoda?* [The Hebrew Bible and the LXX: Two Originals, Two Translations?]. *XVIII Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta: materialy* [XVIII Yearly Theological Conference of the St. Tikhon's Orthodox University]. Moscow, 2008, vol. 1, pp. 56–61.
82. Seleznev M. G. *Russkaia Bibliia: mezhdru Masoretskim tekstem i Septuagintoi* [Russian Bible: Between the Masoretic Text and the Septuagint]. *Svet Khristov prosveshchaet vsekh: al'manakh Sviato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta — The Light of Christ Enlightens Everyone: Almanac of the St. Philaret Orthodox Christian Institute*, 2011, no. 4 (4), pp. 36–54.
83. Senderlend D. T. *Bibliia: Ee proiskhozhdenie, razvitie i otlichitel'nye svoistva* [The Bible: Its Origin, Development, and Distinctive Properties]. Moscow, 2015.
84. Shchedrovitsky D. V. *Vvedenie v Vetkhii Zavet. Piatiknizhie Moiseevo* [Introduction to the Old Testament. Pentateuch of Moses]. Moscow, 2001.
85. Shifman I. Sh. *Uchenie. Piatiknizhie Moiseevo. Vvedenie v kommentarii* [The Teaching. Pentateuch of Moses. Introduction to Comments]. Moscow, 1993.
86. Sidorenko N. I. *Osnovaniia nauki v Vetkhom Zavete* [Foundations of Science in the Old Testament]. *Izvestiia Moskovskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta — News of the Moscow State Industrial University*, 2007, no. 3 (8), pp. 16–22.
87. Sinilo G. V. *Drevnie literatury Blizhnego Vostoka i mir Tanakha (Vetkhogo Zaveta)* [The Ancient Literature of the Middle East and the World of Tanakh (The Old Testament)]. Moscow, 2008.
88. Skobelev M. A. *Zashchita edinstva i podlinnosti knigi proroka Isaii russkimi bibleistami XIX — nachala XX v.* [Protection of the Unity and Authenticity of the Book of the Prophet Isaiah XIX — beginning of XX c.].

- by Russian Biblical Scholars of the 19th — Early 20th Centuries]. *XX Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [XX Yearly Theological Conference of the St. Tikhon's Orthodox University]. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 134–142.
89. Skvortsov I. *Kratkoe nachertanie istorii Tserkvi vetkhozavetnoi* [Brief Outline of the History of the Old Testament Church]. Kiev, 1854.
90. Smith D. *Istoricheskie knigi Vetkhogo Zaveta* [Historical Books of the Old Testament]. Moscow; Nizhny Novgorod, 2012.
91. Smorgunova E. M. Plach o poteriannom Ierusalime [Lament for the Lost Jerusalem]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Stereotypes and Creativity in the Text. Interuniversity Collection of Scientific Works]. Ed. E. A. Bazhenova. Perm, 2008, pp. 221–231.
92. Snigirev R., prot. *Sviashchennoe Pisanie Vetkhogo Zaveta: uchebnoe posobie* [Sacred Scripture of the Old Testament: A Study Guide]. Saratov, 2006, vol. 1.
93. Sokolov A. P. Kniga proroka Sofonii. Perevod s drevneevreiskogo [The Book of the Prophet Zephaniah. Translation from Hebrew]. *Skrizhali — The Tablets*, 2021, no. 21, pp. 8–17.
94. Somov A. B. Kanon knig Vetkhogo Zaveta: istoriia, problemy i perspektivy issledovaniia [The Old Testament Canon: History, Problems, and Prospects for Future Research]. *Svet Khristov prosveshchaet vseh: al'manakh Sviato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta — The Light of Christ Enlightens Everyone: Almanac of the St. Philaret Orthodox Christian Institute*, 2011, no. 4 (4), pp. 9–35.
95. Sorokin A., prot. *Vvedenie v Sviashchennoe Pisanie Vetkhogo Zaveta* [An Introduction to the Holy Scripture of the Old Testament]. Saint Petersburg, 2002.
96. *Sovremennye issledovaniia Biblii* [Contemporary Biblical Studies]. Ekaterinburg, 1998.
97. Stogov I. *Tak govorit Iakhve: Karmannyi putevoditel' po Vetkhomu Zavetu* [Yahweh Says So: A Pocket Guide to the Old Testament]. Moscow; Saint Petersburg, 2003.
98. Stuart D. *Ekzegetika Vetkhogo Zaveta* [Old Testament Exegesis]. Saint Petersburg, 2003.
99. Thompson A. *Bibliia bez tsenzury: Kliuch k samym zagadochnym tekstam Vetkhogo Zaveta* [The Uncensored Bible: A Key to the Most Mysterious Texts of the Old Testament]. Moscow, 2010.
100. Tikhomirov B. A. Resheniia po kanonu Vetkhogo Zaveta v russkom akademicheskom pravoslavnom bogoslovii XIX veka [Decisions About the Canon of the Old Testament in Russian Academic Orthodox Theology in the 19th Century]. *Trudy kafedry bogosloviia Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii — Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2020, no. 2 (6), pp. 140–154.
101. Tikhomirov B. A. Formirovaniie predstavlenii o kanone Vetkhogo Zaveta v russkom Pravoslavii [Formation of the Concept of the Canon of the Old Testament in Russian Orthodoxy]. *Tserkov' i vremia — Church and Time*, 2015, no. 2 (71), pp. 149–192.
102. Tikhomirov B. A. *Sostav i kanon Sviashchennogo Pisanii Vetkhogo Zaveta v osnovnykh khristianskikh konfessiiakh* [The Composition and Canon of the Holy Scripture of the Old Testament in the Main Christian Denominations]. Moscow, 2022.

К вопросу о современных теориях формирования ветхозаветного канона

103. Tissen G. K. *Leksii po sistematicheskomu bogosloviuu* [Lectures in Systematic Theology]. Saint Petersburg, 1994.
104. Tongue S. *Between Biblical Criticism and Poetic Rewriting: Interpretative Struggles over Genesis 32:22–32*. Leiden; Boston, 2014.
105. Tov E. *Tekstologiya Vetkhogo Zaveta* [Textology of the Old Testament]. Moscow, 2001.
106. Tsyvkin V. *Ierusalim i evrei: v drevnosti i nyne — 3000 let* [Jerusalem and the Jews: In Antiquity and Now — 3000 Years]. Jerusalem, 2000.
107. VanderKam J. *Vvedenie v rannii iudaizm* [An Introduction to Early Judaism]. Moscow, 2009.
108. Vasiliadis N. *Bibliia i arkhologiiia* [Bible and Archeology]. Holy Trinity Sergius Lavra, 2006.
109. Veinberg I. P. *Rozhdenie istorii: Istoricheskaiia mysl' na Blizhnem Vostoke serediny I tysiacheletiiia do n. e.* [The Birth of History: Historical Thought in the Middle East in the Middle of the 1st Millennium BC]. Moscow, 1993.
110. Veinberg I. P. *Vvedenie v Tanakh: Prostranstvo i vremia Tanakha* [Introduction to the Tanakh: Space and Time of the Tanakh]. Moscow, 2000, vol. 1.
111. Venedikt (Knyazev), arkhim. *Bibleiskaia istoriia* [Bible Story]. Saint Petersburg, 2011.
112. Vevyurko I. S. *Dialektika istorii institutov vlasti v Vetkhom Zavete* [Dialectics of History of Power Institutions in the Old Testament]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofiiia — Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*, 2013, no. 3, pp. 94–109.
113. Vevyurko I. S. *Iz istorii chteniia Biblii: dogermenevticheskoe vospriatie sviashchennogo teksta* [From the History of Bible Reading: Pre-Hermeneutical Perception of the Sacred Text]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremia — Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time*, 2015, vol. 10, no. 1.
114. Vinogradov M. V. *Izuchenie Piatiknizhiia i novaia gipoteza dopolnenii Dzhona van Setersa* [The Pentateuchal Studies and John van Seters' New Supplementary Hypothesis]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2021, no. 33, pp. 11–38. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-33-11-38
115. Volkov A. B. *Vetkhovzetnye proroki* [Old Testament Prophets]. Moscow, 2005.
116. Voropaeva K. L. «*Sviashchennye knigi*» i kto ikh napisal [“Sacred Books” and Who Wrote Them]. Leningrad, 1959.
117. Vorster W. S. *Readings, Readers and the Succession Narrative. An Essay on Reception. Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft.*, 1989, vol. 98, no. 3, pp. 351–362.
118. *Vremia i Bibliia: sbornik statei* [Time and the Bible: Digest of articles]. Chelyabinsk, 1978.
119. Woodward D. *Po stranitsam Sviashchennogo Pisaniia: v 4 t.* [Through the Pages of the Holy Scriptures. In 4 vols.]. Saint Petersburg, 1994, vol. 2.
120. *Zakon: znachenie zakona Vetkhogo Zaveta* [Law: The Meaning of the Old Testament Law]. *Slovar' bibleiskogo bogosloviia* [Dictionary of Biblical Theology]. Ed. X. Léon-Dufour. Bruxelles, 1990, coll. 371–372.
121. Zenger E. (ed.). *Vvedenie v Vetkhii Zavet* [Introduction to the Old Testament]. Moscow, 2008.